

ДЯДЯ САМЫХ ЧЕСТНЫХ ПРАВИЛ 10

АЛЕКСАНДР ГОРБОВ

Дядя самых честных правил

Александр Горбов

**Дядя самых честных
правил. Книга 10**

Александр "Котобус" Горбов

2026

Горбов А. «.

Дядя самых честных правил. Книга 10 / А. «. Горбов —
Александр "Котобус" Горбов, 2026 — (Дядя самых честных
правил)

Мир, где дворяне гордятся магическим Талантом, князьям служат отряды
опричников, а крепостные орки послушно отрабатывают барщину. Мир,
где кареты тащат магомеханические лошади, пушки делают колдуны, а
масоны занимаются генетикой. Мир, где подходит к концу XVIII век, вместо
Берингова пролива — Берингов перешеек, а на Российский престол взошла
Екатерина Вторая.

© Горбов А. «., 2026

© Александр "Котобус" Горбов, 2026

Содержание

Глава 1 - Плакальщицы	6
Глава 3 - Богомолы	14
Глава 4 - Искушение	18
Глава 5 - Пощечина	22
Глава 6 - Медведь	26
Глава 7 - Дурак	30
Глава 8 - Считалка для некроманта	35
Глава 9 - Брат	40
Глава 10 - Базар	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр «Котобус» Горбов

Дядя самых честных правил. Книга 10

Название: Дядя самых честных правил 10

Автор: Александр "Котобус" Горбов

Глава 1 - Плакальщицы

Охранную магическую сеть вокруг усадьбы создавал не слишком умелый маг. Но он предусмотрительно вынес её подальше за ограду, чтобы заранее узнать о нападении. Вот только этим он мне сыграл на руку: скрытый от взглядов патрулей густым кустарником, я временно снял “плащ”, создал связку из двух Знаков и раздвинул ими сеть, будто шторы на окнах.

— Диего, видишь проход?

— Эээ... Не уверена.

Я начертил сапогом на земле две линии, обозначая дыру в магическом периметре.

— Поняла.

— Пригнись, когда будешь проходить.

Мы проскользнули внутрь и двинулись к невысокой ограде, за которой ходили патрули.

— На тебе наёмники, — шепнул я испанке. — Никакой бравады и честных схваток, Диего. Просто убери их, и всё.

— Всё сделаю в лучшем виде, Констан, — она усмехнулась. — Я же не Дмитрий Иванович, не в моём стиле устраивать шумные драки.

Она растворилась в сумерках, бесшумно устремившись вперёд. Я дождался, пока она расчистит путь, и двинулся к особняку. Возле входа я укрылся за мраморной колонной и скинул “плащ мертвеца”. Под ним крайне тяжело работать с эфиром, а плетение “ловчей сети” подразумевает очень тонкую работу.

Осторожно раскидывая эфирную паутину, я первым делом уточнил местоположение кардинала. Он вовсе не спал, а сидел за письменным столом, разглядывая каменную табличку со странными письменами и делая заметки на листе бумаги. Деликатно работая нитями “сети”, я постарался не выдать своего присутствия. И повесил на дверь в его комнату сигнальную “паутинку” — если он выйдет оттуда, то я сразу об этом узнаю.

Боевых магов из свиты кардинала я обнаружил в дальнем крыле дворца. Трое из них спали, двое играли в шахматы, а один устроил себе поздний ужин, обгладывая здоровенный окорок и запивая чем-то из пузатой бутылки.

Первый этаж особняка оказался пуст. Не чувствовалось ни слуг, ни монахов, о которых говорила Диего. Я нашёл кратчайший путь до покоев кардинала и начал действовать.

Через парадный вход я бесшумно вошёл в просторный холл особняка. Вокруг стояла непроглядная темнота, но с помощью “ловчей сети” мне было видно обстановку так же ясно, как днём.

Я замер, едва переступив порог. “Сеть” показывала, что вокруг никого нет, но на меня накатило чувство, что здесь устроена засада. Почудилось, что по холлу хаотично скользят злые взгляды, будто лучи прожекторов, заставляя разбегаться по коже волны мурашек.

Сделав шаг в сторону, я укрылся за большой кадкой с фикусом. Осмотрелся ещё раз — ни одного живого существа “сеть” не засекала, но чувство опасности лишь усилилось. Спровоцировать противника, если он есть? Можно попробовать.

Вытянув руку, я щёлкнул пальцами. Вспыхнули свечи в канделябре на другом конце холла. На фитилях весело заплясали огоньки, разгоняя полночный мрак. Никого. Только тени колыхались в углах, напоминая водоросли в глубине пруда.

— Кто зажёт огонь?

Скрипучий голос разлетелся по холлу. Из темноты отделился плотный комок и поплыл вперёд, превращаясь в старуху в чёрных одеяниях. Лицо, будто сморщенная изюмина, впалые губы, глаза — два чёрных колодца без радужки и склеры. Старуха прошаркала через холл, остановилась перед свечами и уставилась на них, как ворона, обнаружившая бесхозный кусок сыра.

— Кто зажёт? Кто? — забормотала она. — Огонь сам не горит, его должен поджечь некто. Кто заглянул к нам в гости? Кто пришёл незваным? Кто прячется от сестёр Плакальщиц? Кто задумал недоброе и хочет зла Госпоже?

Честное слово, мне стало слегка не по себе. Только выйдя на свет, старуха стала видима для “ловчей сети”. Да и то, я не мог разобраться, что за существо передо мной. Может, оно и было когда-то человеком, но сейчас в нём бурлили грязные потоки эфира. Настолько пропитанные тёмным колдовством, болью и страданиями, что не смогли бы существовать в живом человеке. Но в то же время, как некромант, я не чувствовал и смерти — душа не покидала эту брентную оболочку, прячась где-то глубоко внутри.

— Это он, — раздался шуршащий голос, и из тени появилась вторая фигура старухи. — Это враг Госпожи, проводник мертвецов. Он несёт погиль! Сюда, сёстры!

Шаркающие шаги раздались со всех сторон, и из теней стали выходить старухи, точные копии первых двух. Их стало тринадцать: иссохших, укутанных с головой в чёрное и шамкающих беззубыми ртами.

— Ищите, сёстры Плакальщицы, — зашелестела вторая старуха, — ищите врага Госпожи. Он вошёл в двери, и мы должны отыскать его. Он прячется, но мы почуем его страх. Найдите и дайте ему свою боль. Пусть корчится в муках, пусть умоляет о пощаде и просит Госпожу о снисхождении. Оскопите нечестивца, вырвите ему члены, но не убивайте. Мы должны отнести его на алтарь Госпожи и отдать Ей кровь осквернителя.

Плакальщицы двигались медленно, как сонные мухи, шаркая ногами и непрерывно бормоча. Они собрались кругом в центре холла и начали расходиться в разные стороны.

— Ищите, ищите нечестивца!

Первым моим порывом было сжечь этих тварей. Я чувствовал, что они уязвимы к чистому пламени. Можно бить всполохами, быстро закидав их огнём, или использовать Знаки, от которых они не смогут увернуться. Вот только кардинал наверняка почувствует выброс эфира и поднимет тревогу.

Анубис толкнул меня в грудь, привлекая внимание. Он не одобрял действие огнём и настойчиво подсовывал мне в ладонь рукоять Скудельницы. Всеми силами Талант пытался показать, что уже сталкивался с этими существами и знает способ их убить. Я не стал мудрить и воспользовался подсказкой.

Пальцы сами обхватили кнутовище Скудельницы. Лёгкий взмах — и невидимый бич ударил ближайшую старуху по лицу. Она остановилась, судорожно дёрнула головой и издала тихий хрип. Медленно подняла перед собой дрожащие руки и выпученными глазами смотрела, как жёлтые скрюченные пальцы осыпаются серым прахом. Не проронив больше ни звука, старуха осела на пол горкой чёрных тряпок.

— Вот он! Вот! — заверещала другая, обернувшись и указывая на меня рукой. — Возьмите его, сёстры!

Плеть Скудельницы взлетела вверх и понеслась навстречу мерзким тварям. Но прежде чем она успела их достать, старухи завывали. Обречённо, как плачут на похоронах вдовы и сироты, с неизбывной болью, страданиями умирающих и слезами горя. Волна безысходности ударила меня в грудь, заставляя мир перед глазами стать серым и сжимая сердце тоской. Я почувствовал себя умершим, которого опускают в могилу, и одновременно своей женой и детьми, рыдающими надо мной, и их близкую смерть. За короткое мгновение я побыл матерью, хоронящей ребёнка, и сыном, на руках которого скончался отец. Я страдал, плакал и выпарывал себе глаза от горя тысячи раз, пока плеть Скудельницы не коснулась Плакальщиц и не превратила их в кучки могильного праха.

Пришлось минут десять посидеть под фикусом, чтобы прийти в нормальное состояние. Выдрать из себя наведённое страдание оказалось очень непросто. Хотелось лезть в петлю,

только бы прекратить муку. Но рядом был Анубис, который непрерывно дёргал меня, грозно рычал и толкал вверх, пока я не вынырнул из кошмара и не вдохнул полной грудью.

— Чёртовы старухи.

Я сплюнул на пол кровью из прокушенной губы и встал, держась за кадку. От Плакальщиц не осталось и следа, только чёрные лохмотья валялись по всему полу.

— Горите в аду, твари!

От нахлынувшего гнева я хлопнул ладонью по стигу локтя, показывая простонародный жест.

— На кого ругаешься?

В дверях появилась Диего и с любопытством посмотрела на меня.

— Встретил тут кой-кого. Что с охраной?

— Какой охраной? — испанка кровожадно оскалилась. — Нет здесь никакой охраны. Разбежалась, наверное.

Одобрительно кивнув, я закрыл глаза и потянул “ловчую сеть”. Так-так, а всё не так уж и плохо! Кардинал, увлечшись разбором символов на табличке, не заметил ни нашего присутствия, ни гибели Плакальщиц. Подозреваю, что немереная сила Таланта появилась у него не так давно. И он не успел её освоить, чтобы постоянно контролировать окружающее пространство. Будь он матёрым магом, подчинившим “Колодезь чудес”, про который мне талдычил Лукиан, мы бы так просто не разгуливали по особняку.

— Идём, — я указал на дверь в глубине холла, — попробуем застать кардинала врасплох.

Прячась под “плащами”, мы поднялись на второй этаж и двинулись по широкой галерее к покоям кардинала.

— Констан, стой! — Диего схватила меня за руку. — Есть идея, как его взять.

Я обернулся. Скрытая завесой мертвецов, она выглядела как серебристый призрак. Но даже так было заметно напряжённое лицо и хмурые морщины на лбу.

— Он слишком силён, даже отсюда я чувствую его Талант. Он может увидеть нас под “плащом” и ударить первым.

— И?

— Он знает меня в лицо. Достоверных свидетельств моей смерти у инквизиции нет, только догадки. Если я войду к нему открыто, будто вернулась из России, он удивится, начнёт задавать вопросы. Всё внимание будет сосредоточено на мне, а ты сможешь подобраться и нанести удар.

— Не боишься так рисковать? Если он почувствует опасность, то может размазать тебя по стенке.

Диего пожевала губами, а затем пожала плечами.

— Я и так уже мертва, Констан. Если ты обещаешь замолвить за меня слово перед Хозяйкой и отпустить в посмертие, я готова рискнуть.

— Обещаю, если ты погибнешь, я сам отведу тебя за грань. Ты честно исполняла клятву и сделала всё, что могла.

Она кивнула и сбросила “плащ”, становясь видимой. Поправила пояс со шпагой, гордо вскинула подбородок и пошла на встречу с кардиналом.

— Кто там ещё?!

Раздражённый голос Мартино рявкнул в ответ на вежливый стук. Диего толкнула дверь, сделала шаг вперёд и согнулась в поклоне.

— Добрый вечер, Ваше Высокопреосвященство!

— Что?

Джузеппе Мартино оторвался от разглядывания каменной таблички, близоруко посмотрел на испанку и несколько раз моргнул.

— Эээ... Де Кастро?! Откуда ты здесь?

— Я виновата, монсеньор. Я провалила задание с русским некромантом и два года была вынуждена...

— Стой! Закрой дверь, садись и рассказывай всё по порядку.

Кардинал отвёл взгляд от испанки и быстро убрал со стола каменную табличку. Этой секунды мне хватило, чтобы проскользнуть в комнату незамеченным. Стараясь не скрипеть половицами, я осторожно двинулся вдоль стены.

— Слушаю, де Кастро, — он посмотрел на Диего в упор. — Где ты была всё это время?

— У меня не вышло убить...

— Дальше, это я уже слышал.

— Он сам чуть не прикончил меня, когда я пыталась выполнить ваше задание. Он оглушил меня, и я очнулась уже в кандалах. Этот *some mierda* посмел отправить меня на каторгу как крепостную рабыню! Пришлось....

Мартино слушал байки Диего не слишком внимательно, разглядывая её хищным взглядом. Он кивал, вроде как соглашаясь, но губы у него то и дело складывались в ироничную улыбку.

— Это неважно, — он прервал её на полуслове. — Я уже не глава инквизиции, и всё это меня не интересует. Но ты пришла вовремя — мне как раз нужен ещё один человек для важного дела.

— С радостью послужу вам, монсеньор! Сколько вам будет угодно!

— Послужишь, конечно, послужишь. Только всего один раз.

Он неожиданно выкинул руку вперёд и швырнул в Диего оглушающее заклятье. Она вскрикнула и опрокинулась вместе со стулом на пол. Кардинал, не торопясь, встал, обошёл стол и наклонился над испанкой.

— Ты будешь хорошей жертвой, моя дорогая, — ухмыльнулся он. — Геката любит таких... Что?! Да ты же мёртвая! Ты слу...

Договорить он не успел. Я подскочил к нему сзади, вынимая из воздуха булавку с рубиновой головкой. Взмах руки — и золотое остриё вошло кардиналу в глаз, погружаясь на всю длину. Он рухнул на пол рядом с Диего, распахнув рот и с ужасом глядя на меня целым глазом.

Глава 2 - *Cagada!*

Тело кардинала выгнуло дугой. Он засучил ногами, а пальцы на руках заскребли по доскам пола. Голова моталась из стороны в сторону, скрипели сжатые зубы, с губ летели хлопья пены. Впрочем, ничего удивительного — внутри обрюзгшего тела шла настоящая борьба. Душа Мартино пыталась вырваться наружу и уйти к Павшей, но сила Хозяйки пригвоздила её золотой булавкой и крепко держала на месте. Потoki эфира бурлили вокруг быющего в корчах кардинала, хрустели кости в выворачиваемых суставах, и даже смотреть на этот “танец” было больно.

Помочь Хозяйке в укрощении мертвеца я не мог и кинулся к Диего. Оглушающее заклятье, брошенное Мартино, не могло убить живого человека. Но на испанку оно подействовало самым поганым образом. Кожа у неё посерела, лицо стало похоже на череп с оскаленными зубами, а сама она не могла даже пошевелиться. Диего медленно проваливалась за грань, уходя в посмертие.

— Всё, Констан, — тихо просипела она, — сделала, что смогла. Ты обещал...

— Стоять! — рывкнул я и опустился рядом с ней на колени. — Рано сбегашь, bгuја, мы ещё не закончили дело!

Она сверкнула глазами, услышав ругательство, но сил ответить у неё уже не было.

— Х-х-х-х....

Одним движением я разорвал платье на её груди и приложил ладонь чуть выше солнечного сплетения.

— Стоять, я сказал!

Анубис, ехидно подгавкивая, влил в неё порцию силы. И ещё одну, и ещё, вымывая из поднятой испанки следы заклятья. Диего запрокинула голову и захрипела со злостью и одновременно с радостью. Вены на шее у неё вздулись, руки сжались в кулаки, и она забарабанила ими по полу.

— Come mierda! — зарычала она. — Я же почти ушла! Опять придётся каждый день видеть твою наглую рожу!

Кардинал за моей спиной затих, а следом прекратила стучать и Диего.

— Поднимайся, перерыв окончен, — я встал и усмехнулся. — У нас много работы.

Испанка сердито посмотрела на меня, но от протянутой руки не отказалась и вскочила на ноги. Вид у неё был даже лучше, чем до удара заклятьем, а разорванная одежда добавляла некий шарм.

— Sagada, — скривилась Диего, пытаясь запахнуть на груди лоскуты материи. — Обязательно было рвать на мне одежду?

— Извини, нужен был контакт с заклятьем, чтобы его вычистить. Тем более тебе всё равно не нравится ходить в платьях. Переоденешься в свой обычный костюм, а тряпки выкинешь.

— Переоденусь, когда мы вернёмся к нашим вещам. А сейчас прикажешь мне так ходить и позориться?!

— Диего, дорогая, думаешь, сегодня кто-то будет разглядывать, как ты выглядишь? Да хоть голышом ходи, никто не обратит внимания.

Она оскорблённо фыркнула и поджала губы.

— Между прочим, Констан...

— Не время, — я строго посмотрел на неё и указал на дверь. — Прикрой от внезапных гостей, пока я беседую с нашим другом.

Диего кивнула, сменила выражение лица на хищное и, на ходу накидывая “плащ”, вышла из комнаты.

Я подошёл к кардиналу и взгляделся в его лицо. Покойник лежал без движения, раскинув руки в стороны. Золотая булавка погрузилась в глазницу до предела, и теперь вместо левого глаза светился тёмно-багровый рубин.

— Поднимайся.

Мартино продолжал прикидываться мертвецом, не реагируя на мои слова.

— Вставай, падаль. Или ты хочешь заставить ждать некроманта?

Уцелевший глаз кардинала дрогнул и повернулся на меня.

— Ты не сможешь, — хрипло каркнул мертвец, — избежать гнева Госпожи Перекрёстков. Она вынет твою душу и заставит страдать до конца вечности. Её пси...

— Я не спрашивал твоего мнения. Встать!

Щёлкнув челюстью, кардинал начал подниматься. Движения у него были дёрганные, лицо кривилось в жутких гримасах, а целый глаз вращался в орбите. Золотая булавка насильно сделала его заложным покойником, превратив мёртвое тело в тюрьму. Вот такая изощрённая попытка над чёрной душой.

Я уселся в кресло, принадлежавшее раньше кардиналу, и стал рассматривать бумаги, лежащие на столе. Затем вытащил из ящичка каменную табличку, покрытую клинописью.

Листок с переводом древних знаков лежал тут же, и я с интересом узнал, что там описан ритуал “запечатывания” божества.

— Зачем тебе это? — я показал ему табличку.

— Уже незачем, — мертвец топтался на месте, глядя на меня с ненавистью.

— Думаешь, что самый хитрый, и надеешься обдурить меня? Тебе придётся отвечать, и солгать ты не можешь.

— Если ты знаешь правильные вопросы, — мертвец ощерился.

— Для чего ты хотел использовать ритуал, описанный на табличке?

Ненависть вспыхнула в нём с новой силой. Несколько секунд он боролся с булавкой, требующей повиновения, но снова проиграл и ответил:

— Чтобы Геката не покидала свой алтарь. Людьми должен править первожрец, а не божество напрямую.

— А первожрец — это ты, верно?

Кардинала так перекосило, будто я напоил его уксусом.

— Я великий инквизитор, жрец и...

— Ты предатель, Мартино. Предал и церковь, и инквизицию, и свою Госпожу. Даже удивительно, как ты продержался так долго.

— Вы все глупцы, — надменно вскинулся кардинал, — даже Геката не умнее деревенской девки.

— А ты умный, понятно. Что же, мудрец, скажи мне, где прячется со своим алтарём Павшая?

Скрипнув зубами, мертвец прошелестел:

— На вершине Монте-Каво, в монастыре Конгрегации Страстей.

— Монахи знают об этом?

— Они верно служат Госпоже уже много лет.

— Ты специально, что ли, притащил туда алтарь?

— Он находится там с самых древних времён. Ещё первые римляне почитали на Монте-Каво своих богов, принося здесь жертвы.

— Где именно стоит алтарь и как туда пройти?

— На заднем дворе монастыря есть вход в старое подземелье, — кардинал оскалился. — А там не ошибёшься.

Сюрпризы и стража? Можно даже не спрашивать.

— Кто охраняет алтарь?

— Собачки, — мертвец попытался изобразить улыбку, — очень добрые собачки с очень острыми зубами. Я с удовольствием посмотрю, как они будут жрать тебя живьём, некромант, и ты почувствуешь, как их зубы будут вгрызаться в твои потроха...

— Замолчи.

За дверью что-то глухо бухнуло, и я ощутил волну эфира от сработавшего заклинания. Кажется, маги почувствовали отзвук заклятий от нашей драки с кардиналом, начали искать причину и уже встретились с Диего.

— Пора заканчивать.

Я поднял каменную табличку, ударил по ней потоком эфира, и она рассыпалась мелким песком.

— Твоё время вышло, мертвец. Хозяйка хотела задать тебе несколько вопросов, и будет невежливо заставлять её ждать.

Скудельница в моей руке стала видимой. Хлыст, составленный из костяных позвонков, змейей пополз к кардиналу.

— Стой! — завопил он. — Тебе нужен проводник! Ты сам не найдёшь дорогу к монастырю! Обещаю, я проведу...

— Тебе нет веры, мертвец.

Шею кардинала обвила Скудельница, сжала и дёрнула до хруста. Рубин в глазнице вспыхнул, рассыпаясь искрами, и душа кардинала отправилась за грань. Прямо в заботливые руки Хозяйки. А его тело упало на пол безвольной куклой.

Я сунул в карман бумажку с описанием ритуала и поспешил на помощь к Диего.

Таланты у магов были средненькие, зато они сами оказались тёртыми калачами с боевым опытом. Они разделились на две группы, вытеснили Диего во внутренний дворик виллы, зажали в открытой галерее на первом этаже и принялись долбить по ней огненными всполохами. Испанка отстреливалась из “громбоек”, ранив двоих, но силы были явно неравны.

Каменная балюстрада, за которой она пряталась, уже начала оплывать от жара. А дрожащий от заклятий эфир не давал ей набросить “плащ” и уйти невидимой. Пожалуй, Киж сумел бы накинуть маскировку в таких условиях, но у Диего не хватило опыта. Так что она продолжала стрелять, громко ругаясь на испанском, и сбивала язычки пламени с тлеющего платья.

Искать в темноте лестницу и спускаться на первый этаж не было смысла. Прямо возле покоев кардинала я распахнул окно во внутренний двор и указал на одного из магов.

— По моему хотению, по моему велению...

Не дожидаясь, пока Божедомский вертеп его прикончит, я швырнул “молот” в следующего противника. Его щит не выдержал моего заклятья, и могучий удар впечатал тело в каменные плиты.

Двое оставшихся магов тут же перенесли огонь на меня. Яркие всполохи ударили в окно, но я уже отступил в сторону и спрятался за стенку. Это была фатальная ошибка с их стороны — Диего, верно угадав момент, выскочила из пылающего укрытия и кинулась к противникам. Два выстрела прозвучали почти одновременно, убив одного из магов. Огненный всполох ударил испанку в лицо почти в упор, но та лишь зарычала и прыгнула вперёд. А затем её тяжёлая шпага разрубила четвёртого мага на половинки.

— La idiota! Tu eres una stupida y menca cabrona!

Когда я спустился во внутренний дворик, то застал Диего в процессе сбора “трофеев”. Она стянула с себя остатки платья и, ругаясь как сапожник, снимала с покойников уцелевшую одежду. Ничего ей не говоря, я присел на чудом сохранившуюся скамейку рядом со срубленным заклятьем деревцем. Судя по валяющимся на земле веткам, осколкам мрамора и торчащим обугленным стволам, до учинённой бойни здесь было очень уютно. Но сейчас остались только разруха и запах гари.

— Эээ...

Мы с Диего одновременно повернулись на звук. Из дверей во дворик вышел пятый маг — толстяк с добродушным лицом и округлившимися глазами. В одной руке у него был кусок ветчины с хлебом, в другой бутылка, камзол расстёгнут, а на лице застыло удивлённое выражение.

Не дожидаясь нашей атаки, он вскинул руки и воскликнул:

— Прошу прощения, синьоры! Кажется, я не вовремя? Умоляю, не стоит тратить на меня силы! Я вовсе не собираюсь вступать с вами в спор. Ни-ни, добрые синьоры! Мне даже подумать страшно, что вы можете сделать. Прошу, пожалейте одинокого Бартоломео Караббо! Жена моя умерла, но остались двое замечательных ребятишек. Да-да, синьоры, маленький проказник Пьеро и чудесная дочь Мальвина. Умоляю, не оставляйте их без единственного кормильца! Куда они пойдут, синьоры? На улицу просить милостыню? Или в бродячий театр,

зарабатывать тяжким трудом на корочку хлеба? Я же вижу, синьоры, что вы добрые люди и не оставите бедных детей сиротами.

— Тш-ш-ш!

Я приложил палец к губам и поманил мага к себе. Он подбежал на цыпочках, так и держа руки поднятыми. Талант у него оказался тусклым и невыразительным, но, судя по эфирному полю, он отточил несколько заклятий до совершенства.

— Дай сюда.

Он отдал мне ветчину и бутылку и снова поднял руки над головой.

— Бери лошадь и бегом отсюда. Если скажешь хоть кому-то, что видел нас, то твои дети точно попадут в бродячий театр.

— Кого видел, синьор? Меня здесь и не было!

— Свободен, — я усмехнулся, — папаша.

— Тысяча благодарностей, милостивый синьор! Тысяча благодарностей!

Маг быстро засеменил к дверям, но на выходе притормозил и обернулся.

— Милостивый синьор! Я совсем забыл — монсеньор Мартино так и не заплатил мне положенное. Всего пять золотых скудо и четыре сольдо, синьор. Не могли бы вы помочь отцу двух невинных детей...

— Так тебя же здесь не было, Бартоломео. Значит, и денег тебе не положено.

— Это если посмотреть с одной стороны, синьор. А с другой, с пятью скудо и четырьмя сольдо меня не будет здесь гораздо отчётливей. Согласитесь, ведь есть разница между “просто не было” и “точно был в другом месте”.

Я рассмеялся от такой откровенной наглости. Нет, маг не был трусом. Наоборот, хитрый и расчётливый наёмник, который получит своё даже в самой сложной ситуации.

— Держи, — я кинул ему по одной шесть монет.

— Секунду, щедрый синьор, я верну вам сдачу.

— Не надо. Выпей на них за моё здоровье. За Энрико Карузо.

Бартоломео Караббо понимающе кивнул и ухмыльнулся.

— Сделаю, синьор Карузо, вы останетесь довольны. Если в будущем вам понадобятся мои услуги, спросите обо мне в трагтории “Длинноносый Буратто” в Риме.

Он поклонился и ретировался.

— Проще было убить, чем платить деньги, — буркнула Диего, натягивая сапоги.

— Он рассмешил меня, — я улыбнулся, — пусть живёт.

Я понюхал ветчину, вино в бутылке и решил, что наёмник далеко не дурак пожрать.

— Кто такой этот Энрико Карузо? — спросила испанка, заканчивая одеваться.

— Видел долговую расписку на это имя в бумагах кардинала. Ты готова? Тогда пойдём, нас ждёт Монте-Каво.

Глава 3 - Богомолы

Дорогу на Монте-Каво найти в темноте было бы непросто. Но разлитый эфирный запах смерти, крови и боли легко позволил её отыскать. Это оказалась узкая, но хорошо натопанная тропинка, серпантином уходившая в гору.

— Мерзость какая, — поморщилась Диего, едва ступив на неё. — Любой дешёвый кабак после этой дряни будет пахнуть фимиамом.

В этом я был с ней полностью согласен. И если от обычного запаха можно было зажать нос или перетерпеть и принюхаться, то от эфира не закроешься никак. Так что мы поднимались на Монте-Каво совершенно без удовольствия, раздражённые до предела.

— Кстати, Диего, ты что-то говорила про золото, припрятанное у кардинала. Где у него тайник?

— Боишься, — она обернулась с усмешкой на лице, — что я предам тебя и будешь возвращаться один?

— А ты можешь предать?

Диего помрачнела и посмотрела на меня долгим взглядом.

— Я дала тебе слово Констан. Тебе и Хозяйке. Не жди от меня предательства. Может, я не самый хороший человек, но всегда плачу свои долги. И взамен жду от тебя только одного — когда дело будет сделано, отпусти меня в посмертие. Помнишь? Ты обещал.

— Обещал и сделаю, если ты просишь. Только не понимаю, зачем ты торопишься уйти.

— Что непонятного?! Что мне здесь делать? Я ведь мертва!

— Кижу это обстоятельство не мешает, — я улыбнулся, — ведь смерть не причина, чтобы закончить свой путь. Мир огромен и удивителен, даже десятка жизней не хватит, чтобы осмотреть его весь. И главное — у каждого из нас есть нечто, для чего мы в нём появляемся. Ты успела сделать всё, что должна и хотела?

— А ты сам, Констан? Многое сделал из того, что положено? И ты уверен, что правильно понял свою миссию? Или некромантам с их очень долгой жизнью можно не торопиться?

— Я не просил о даре некроманта, если ты забыла. Но стараюсь выполнять порученную работу как должно. И кстати, долгая жизнь вовсе не гарантирована — если ты не заметила, мне всё время приходится ходить по самому краешку. И наша с тобой прогулка может закончиться так, что уже тебе придётся хоронить моё тело на вершине этой горы.

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. Служба Хозяйке опасна и трудна, без каких-либо гарантий. Поэтому я живу по принципу: делай что должно, и будь что будет. А насчёт моих личных целей, то их я выполняю в свободное от основной работы время. Видела, сколько в Злобино моих учеников? Я уронил семя, и оно начало прорастать, даже если мне не придётся увидеть, как оно станет деревом. Детей у меня не может быть, но ученики ничуть не хуже.

Прозвучало слишком пафосно, но на Диего подействовало. Она надолго замолчала. Кусала губы, кидала на меня сердитые взгляды и хмыкала себе под нос. Но в конце концов сказала:

— Я подумаю над твоими словами, Констан. Быть может, и у меня найдётся “нечто”, ради чего стоит остаться.

— Подумай. Торопиться некуда, а я всегда к твоим услугам.

Монастырь на вершине походил на маленькую крепость. Мрачное приземистое здание без окон с единственной аркой входа. И высокая глухая стена, окружавшая внутренний двор.

Камни, из которых их построили, пахли древностью и были буквально пропитаны эфиром. Судя по всему, их взяли из старого языческого храма и использовали на строительстве обители. К тому же их укрепили мощными Знаками, так что даже “молот” не смог бы проломить стены с первого раза.

— Есть верёвка, Констан? — Диего примеривалась к стене, собираясь на неё забраться.

— Зачем? Мы же цивилизованные люди, сейчас постучим, и нам откроют. Тем более, нас там уже ждут.

Внутри монастыря эфир бурлил от возбуждения и странной волшбы, какую мне не доводилось видеть раньше. А на нас с Диего были обращены десятки взглядов, не вполне человеческих. Так что таиться не имело смысла, и уж тем более не стоило лезть через стену.

Я встал напротив арки, закрытой тяжёлыми воротами, и размял руки. Встряхнул кистями и без подготовки швырнул серию огненных всполохов на крышу здания. Пламя взметнулось вверх, освещая всё вокруг. Не люблю, знаете ли, работать в темноте, вот и приходится обеспечивать подсветку. Не делая пауз, я бросил в створки ворот боевой “молот”. И, не дожидаясь, пока рассеются дым и пыль, двинулся в монастырь. Ну-с, кто хочет некромантского тела? В очередь, собачьи дети!

Из арки мы с Диего попали во двор монастыря. В центре, перегораживая его на две половины, стояла приземистая часовня странного вида. Чёрная от фундамента до крыши, без креста на куполе, с яркими красными символами, выведенными на стенах. Даже без подсказки было ясно — здесь служат кому угодно, но только не христианскому богу.

Из этой часовни и появились монахи. Поток в чёрных рясах потёк нам навстречу из дверей, будто кровь из горла жертвенного животного. Подпоясанные красными верёвками, обритые наголо, с одинаковыми серыми лицами. Они смотрели на меня как на добычу, хищно скалясь и облизываясь узкими языками.

Монахи не спешили атаковать. Выстраивались полукругом, беря нас с Диего в полукольцо и ожидая команды. Интересно, кто её подаст? Сама Геката или кто-то из её помощников?

— Ты явился! — прогремел над монастырём знакомый голос.

Ага, значит, всё-таки Госпожа Перекрёстков не выдержала и лично пришла устроить мне торжественную встречу. Вон, над часовней появился силуэт, сотканный из чистого мрака.

— Наглый некрот! Раб клятвопреступницы, называющейся Хозяйкой! Как ты посмел прийти в мой дом?

Я улыбнулся ей как старой знакомой и вычурно раскланялся.

— Уважаемая Павшая! — Мой голос разлетелся над строем молчащих монахов. — Вы могли бы не прикрываться своими слугами и решить дело со мной лично. Это сэкономило бы кучу времени, всё равно итог будет один, а я мог бы в процессе выказать вам положенное уважение. Но если вы будете прятаться, финал получится грязным, кровавым и неэстетичным. А вы, как видевшая расцвет культуры Греции и Рима, как никто, должны понимать в этом толк...

— Замолчи! — Багровые глаза Гекаты полыхнули, освещая двор лучше любого пожара. — Ты будешь умирать долго, это я тебе обещаю! Взять его!

Монахи слитно, все разом, будто репетировали заранее, сделали шаг мне навстречу. Лица их исказились, и рты распахнулись, только не как у обычных людей. Нижние челюсти монахов раскрывались на две половинки, покрытые изнутри изогнутыми длинными зубами в несколько рядов. Передо мной стояли не люди, нет, а насекомые со жвалами. Руки их вытянулись, превращаясь в сегментированные лапы.

— Богомолы, — выдохнула Диего. — Серые мантисы, питающиеся душами. Я думала, их давно всех уничтожили.

Какая забавная ирония со стороны Гекаты — заменить монахов на богомол-насекомых.

— Сталкивалась с ними?

— Только слышала. Говорят, очень плохо горят и рубятся сталью.

— Сейчас проверим.

На меня накатила тихая боевая злость. Богомолы? Отлично! Не люблю насекомых и буду давить их без всякой жалости.

Строй монахов дрогнул, и они всей массой понеслись на нас. Страшные, безобразные, уродливые, смертоносные. Но только и я был не фрейлиной из свиты императрицы, а некромантом, боевым и деланным магом. В правую руку лёг grand wand, в левую кнутовище Скудельницы, Анубис закачал в защитные татуировки максимум эфира и приготовился выйти на пик мощности.

— Диего, прикрой спину. Остальных я беру на себя.

Когда между мной и богомолами оставался десяток шагов, я выдал первый залп Последнего довода, одновременно выкрикнув скороговоркой:

— По моему хотению, по моему велению!

Если раньше меня коробило от прозвища Мясник, то сегодня я заслужил его на все сто и согласился с ним. Поток раскалённого эфира из посоха прожигал в рядах нападавших целые просеки, бич Скудельницы разрубал богомол-насекомых на половинки, отсекал конечности и головы, а мёртвые руки Божедомского вертепа без остановки рвали врагов на части. Синяя “насекомья” кровь заливала камни, которыми был вымощен двор монастыря, отчего скользили сапоги. Сизые потроха висели на стенах, будто страшные гирлянды в честь неведомого праздника пожирателей плоти. Из голов с жуткими челюстями можно было складывать пирамиды по примеру Тамерлана. От перегара эфира нечем было дышать, а запах поджаренной плоти заставлял желудок сжиматься в спазмах.

Последних богомол-насекомых добивала Диего. С мрачным лицом она ходила между кучами трупов, останавливалась и наносила удар милосердия шпагой.

— Знаешь, Констан, ты действительно страшный человек.

Я сидел у стены, выбрав самый чистый участок, не заляпанный синей кровью, и восстанавливал силы. Спорить с испанкой не хотелось, но я всё же спросил:

— Из-за того, что убил такую толпу монстров?

Диего покачала головой.

— Нет, из-за выражения лица. Ты убивал так, будто делал нудную работу. Как жнец, собирающий урожай. Мне даже показалось, что ты зевал от скуки.

— Было бы лучше, если бы я упивался убийствами и хохотал им в лица?

— По крайней мере, так бы ты был похож на человека, а не на машину.

— Ну извини, мне бойня не доставляет удовольствия. Всё, хватит, идём дальше.

Я поднялся и направился в обход чёрной часовни в поисках входа в подземелье. Иллюзий, что мы уничтожили защитников Павшей, не было — богомол-насекомых бросили в атаку как пушечное мясо, только чтобы задержать меня. Не надо было даже “прислушиваться”, чтобы ощутить близкое напряжение эфира. Где-то внутри горы Геката готовила свою настоящую охрану. До меня доносились знакомые эманации её Псов и чего-то ещё, непонятного и ужасающего.

Какие-нибудь сторукие Гекатонхейры, вытащенные из Тартара? А может, что-то из римского наследия, там тоже хватало страшных тварей и демонов.

Вход в подземелье оказался просто квадратной дырой, обложенной камнем. Вниз вели стёртые ступени, теряющиеся в беспросветном мраке. Даже магический огонёк не смог разогнать темноту, похожую на густой дёготь.

— Диего, ты остаёшься здесь.

Она фыркнула и с возмущением посмотрела на меня.

— Уж не считаешь ли ты, что...

— Ты ничем не сможешь помочь мне там. Посмотри — это не подвал, это вход в реальность Павшей. Вроде того тумана, что ты видела за гранью.

Диего несколько раз моргнула, осмысливая мои слова, и отшатнулась, отступив от провала.

— Прикрой вход, чтобы никто не зашёл мне в спину. Вдруг мы перебили не всех богомолов.

— Хорошо, Констан.

Не желая больше медлить, я сделал шаг и начал спускаться в темноту.

— Береги себя! Ты обещал сам отвести меня за грань! — донёсся голос Диего, и меня накрыла глухая тишина.

Ступенька, вторая, третья... Лестница медленно уходила вниз, в неведомые глубины. Я воззвал к Хозяйке: пора! Задание почти выполнено, вот оно, укрытие Гекаты, и моя работа окончена. Не мне же, в самом деле, убивать Павшую. Не гожусь я на роль богоборца.

“Рано, — шепнул холодный голос у меня в голове. — Я слежу за тобой и приду в нужную минуту. Не бойся, мой некромант, ты не останешься без моей помощи”.

Голос ушёл, и я снова остался в одиночестве во тьме. Лишь ступеньки продолжали ложиться под ноги одна за другой.

Я мысленно считал шаги, давно перевалившие за сотню. Интересно, на какую глубину я спустился? А ведь ещё подниматься обратно, когда всё закончится.

— Здравствуй, некромант.

В глаза ударил свет, заставив меня остановиться. Дорогу загораживала фигура женщины в свободных ниспадающих одеждах. Лицо её было скрыто полупрозрачным покрывалом. А следом накатило титаническое давление магии, сильнее любого Таланта, чистой силы, обнажённой, как клинок меча.

— Преклони колени, смертный! Ибо перед тобой стоит величайшая из богинь...

— Исида, — выдохнул я, узнав её.

— Какой умный мальчик, — лицо под покрывалом улыбнулось. — Раз ты такой догадливый, то ответь мне, зачем я здесь? И не надо звать свою Хозяйку, всё равно не услышит. Уж поверь, в магии она никогда не могла сравниться со мной.

Глава 4 - Искушение

Трепета перед Павшей богиней я не испытывал, и уж тем более её не боялся. Подобные сущности, когда уверены в своих силах, нападают сразу же, а не разговаривают. Как Исида и поступила в прошлую нашу встречу, когда я тащил Зою Палеолог к Хозяйке. Сейчас же она была любезна, насколько это возможно, и пыталась вступить в переговоры. Значит, Павшая не слишком в себе уверена на чужой территории. И наверняка задумала какую-то хитрую пакость со мной в главной роли. Спорим, что меня сейчас будут “соблазнять”?

— Разве я похож на мудреца, — я усмехнулся, — чтобы угадывать желания богинь? Тем более в таком неподходящем для размышления месте.

— Невежливо отвечать вопросом на вопрос, — Исида игриво погрозила мне пальцем. — В давние времена за подобную дерзость сжигали заживо в железном быке. Впрочем, ты прав, смертный, место и в самом деле не лучшее для долгих бесед. У меня есть всего лишь капля вечности, чтобы сделать тебе предложение. Ты согласен?

— Мне нужно услышать вопрос, прежде чем ответить да или нет. Или я так глупо выгляжу, чтобы ловить меня на такой простой крючок?

Губы Исиды улыбнулись под покрывалом.

— Знал бы ты, некромант, сколько умных мужей попало на него. Но ты молодец, думаешь то, что говоришь, и говоришь то, что думаешь. Что же, не буду длить вечность больше необходимого и скажу откровенно. Я хочу купить тебя, некромант. Целиком и полностью, вместе с потрохами, Талантом и умными, — она подпустила ехидства в голос, — мыслями.

— Я не продаюсь, Павшая.

— Всё продаётся, мальчик, всё в этом мире. От последнего раба до самого могущественного императора, от простушки-селянки до светской дамы. И ты, и твоя Хозяйка, и даже я. Все продаются, вопрос лишь в цене, которую мы готовы получить. Поверь, я знаю, о чём говорю. И цену твоей верности я тоже знаю, Бродяга.

Она подалась вперёд и перешла на вкрадчивый шёпот, от которого у меня по спине побежали мурашки.

— Я вижу твою душу насквозь, Бродяга, до самой тёмной глубины. Все твои стремления, желания и потаённые мечты. И знаю, что ты агнец не этого двора. Ты пришёл через Великую пустоту из тёмного места, где не существует чудес. Удивлён? Да-да, мальчик, я знаю, откуда ты.

— Зачем ты мне это говоришь? Это ничего не меняет.

— А если я предложу тебе новый шанс, Бродяга? Дам возможность вернуться домой. Я же вижу, как ты скучаешь по родному миру.

Я рассмеялся во весь голос.

— Скучаю? Ты глубоко ошибаешься, Павшая. Я на своём месте и никуда не собираюсь сбегать, ни в какой иной мир. Бежать от чудес, от полученного богатства, от силы некроманта? Хочешь купить золотой самородок за грош?! Я думал, у тебя действительно ко мне дело, а ты пытаешься меня обдурить уже в третий раз. Честно говоря, у меня было лучшее мнение о старых богах, не предполагал, что они простые мошенники.

Во взгляде Исиды полыхнул гнев.

— Не дерзи, мальчик, моё терпение не безгранично. Мне нет нужды обманывать или хитрить, как демон. Я — великая богиня! Моё словоечно, нерушимо и исполняется до последней буквы!

Фигура Павшей возвысилась, а горящие багровым глаза пристально вглядывались мне в лицо.

— Ты! Бродяга, иномирец и двоедушник! Слушай же слова Исиды, Великой Матери, хозяйки Египта и Рима!

Она воздела руки, словно собираясь дотянуться до неба. Жуткое, должен сказать, зрелище — я чувствовал себя букашкой у ног громадной статуи. Величественной и драгоценной, сотканной из кружевного золота и светящихся камней. В это мгновение и правда верилось, что это та самая богиня, от которой произошло всё живое, хозяйка судеб и управительница вселенной. И в то же время я знал внутри себя: это всего лишь иллюзия, идол в позолоте, непрочный колосс на глиняных ногах. Толкни его — и он рухнет с грохотом, рассыпаясь в прах.

— Внимай мне с почтением и обожанием! Ибо прозвучат эти слова только раз и никогда боле не повторятся.

Правая рука опустилась и указала пальцем на меня.

— Переиди на мою сторону, Бродяга. Стань моим орудием против своей госпожи, стоящей в смертном тумане. Не дай ей уничтожить сестру мою Гекату, и я щедро награжу тебя. Больше, чем ты мог когда-либо мечтать! Клянусь, я и Геката вернём тебя обратно, откуда ты пришёл. Дадим тебе тайное знание, дабы возвысился ты над всеми тварями и людьми. Сделаем тебя великим правителем и научим бессмертию! Ты станешь владыкой мира и первожрецом! Мужчины будут умирать по твоему слову, а женщины мечтать ночами понести от тебя ребёнка. Всё получишь ты, если отвергнешь старые обещания и принесёшь клятву мне!

Исида смотрела на меня из мрака, и рядом с ней покачивался лик Гекаты с чёрными глазами. Они кивали и протягивали руки, маня к себе. Картина “Искушение некроманта”, холст тьмы, масло обещаний.

Всё же они были богинями до того, как стать Павшими, причём далеко не последними по силе, а, может быть, в чём-то и первыми. Скажу честно — противостоять им оказалось очень непросто. Их слова лезли в голову, проникали в душу и шептали, шептали, шептали... Я барахтался в искушении, будто пловец в бурном море, захлёбываясь и едва не сдаваясь.

— Решайся, некромант! — гроыхнули голоса. — Решайся сейчас, другой попытки не будет!

В этот момент, почти утонувший в щедрых искусства богинь, я нашёл опоры и устоял. Вспомнил обещание Хозяйке, вспомнил Таню и учеников, Злобино и всё то, что я делал. И ощутил рядом с собой Анубиса — человек с головой шакала стоял справа от меня, шерился зубастой пастью и улыбался. Его рука коснулась моей и вложила в ладонь тёплую рукоять оружия. Я не видел его, но точно знал: это золотой хопеш. Древний египетский меч, похожий на серп. Острое и безжалостное оружие, которым Анубис когда-то снял шкуру со своего божественного противника. И он делился им со мной в самый ответственный момент.

— Я услышал тебя, Исида. — Мне удалось поднять голову и заглянуть ей в глаза. — И вот тебе мой ответ.

Я сделал паузу, набирая в лёгкие воздух.

— Нарушивший клятву раз — недостоин никаких обещаний. Ты можешь обещать мне хоть всю вселенную, но я не приму ничего из этого. Моя верность не покупается. Я — не продаюсь! Мой ответ — нет!

Исида зарычала, как львица, сотрясая темноту вокруг.

— Червь! Жалкий червь, посмевавший отвергнуть меня!

Ко мне протянулась огромная рука. Превратившаяся из изящной девичьей в уродливую старческую с длинными чёрными ногтями и вздутыми венами.

— Ты сгниёшь...

Хопеш взлетел вверх, не дожидаясь моего приказа, и ударил жуткую руку. Отсекая пальцы, дробя кости и забрызгивая всё вокруг светящейся серебряной кровью-ихором. Капли

попали мне на губы, оказавшись на вкус страшной горечью и одновременно безумной сладостью, от которой выворачивало желудок.

— А-а-а-а!

Вокруг всё задрожало от крика раненой Павшей. Я рухнул на ступени лестницы и едва не покатился вниз. Меня удержал Анубис, схватив за шкуру, будто котёнка. Встряхнул, поставил на ноги и ревниво забрал свой хопеш. Похлопал по плечу, улыбнулся и исчез.

Я остался один на лестнице в темноте. Зажёг огонёк на пальцах, пытаюсь понять, куда вообще идти теперь. Каменные ступени, будто издеваясь, шли в обоих направлениях: вверх или вниз, если чуть наклонить голову. Иллюзия, но разобраться в ней не получалось. Исида или Геката не желали, чтобы я шёл дальше, и старались запутать меня.

— А ты хорошо держался, — шепнул прямо в ухо голос Хозяйки, — я уж думала, мне придётся тебя вытаскивать. Что же, тем больше будет награда после.

От неожиданности на меня напал кашель. Так она всё это время была здесь?!

— Конечно, здесь, некромант. Неужели ты думаешь, что Павшая сильнее меня? Долгие годы во тьме лишили её разума, если она думала таким жалким способом соблазнить моего слугу.

Невидимая холодная рука взяла меня за локоть и подтолкнула вперёд.

— Иди, некромант, осталось совсем чуть-чуть. Если ты выдержал искушение, то сможешь пережить и всё остальное. Тем более дальше я сделаю всё сама. Тебе нужно только дойти и постараться держаться подальше от того, что случится.

И я пошёл вверх по лестнице, ведущей вниз, через непроглядную тьму.

Сутки? Месяц? Год? Или всего несколько минут? Не знаю, сколько я шёл по ступеням. Время не имело значения, будто растягиваясь и сжимаясь между ударами сердца. Но всё же время закончилось, и я очутился в огромном круглом зале. В центре стоял жертвенник, залитый тёмной кровью. Пылали яркие огни в жаровнях у стен, взметая к потолку искры. А на полу были разбросаны бездыханные тела собак с перерезанными горлами.

А на другом конце святилища стояли Исида и Геката, будто две утомившиеся жрицы, закончившие долгое жертвоприношение.

— Ты умрёшь, некромант, — заявила Геката, не глядя на меня, — очень плохо умрёшь. В темноте, брошенный друзьями и любимой, будешь гнить под тяжёлыми камнями. И пожалеешь, что не принял щедрое предложение.

Исида даже не повернулась в мою сторону, но я ощутил волну злобы, исходящую от неё. Да и плевать! Век бы не видеть эти разборки высших существ. Пусть Хозяйка уже закончит, и я пойду заниматься своими делами. А для угроз “страшной смерти” уже пора завести отдельный сундук и складывать их туда пачками.

— Добрый вечер, девочки!

Словно услышав меня, Хозяйка вышла из стены и неспешно направилась к Павшим. Спокойная, уверенная, полная силы и превосходства.

— Как хорошо, что я застала вас двоих вместе. Не придётся ловить поодиночке и тратить время.

— Рано радуешься, — Геката шагнула навстречу Хозяйке, — предательница. Хочешь получить мою голову? Клянусь тьмой и светом, вместе с ней ты получишь и мою месть!

Она вздёрнула руку, и пальцы окутались багровым сиянием.

— Я, Госпожа Перекрёстков, принесла в жертву всех своих слуг и испила их крови. Их боль и ярость вопиют во мне! Силой умерших, тьмой дорог, деревом идолов и прахом жрецов

— проклинаю тебя, предательница! Не увидеть тебе конца проклятой службы! Ибо придут те, кто сразит и заберёт в свой час тебя! Про...

— Слишком много пафоса, — Хозяйка печально вздохнула и провела перед собой ладонью, — пора заканчивать.

Я не раз видел грозу вблизи, когда молния бьёт в землю раскалённым ослепительным шнуром. Потрясающее, очень-очень яркое зрелище. И сейчас такая молния, только состоящая из эфира, ударила в Гекату.

Показалось, что я ослеп от грохота и оглох от вспышки. Несколько минут я пытался протереть глаза, тряс головой и хватал ртом воздух. А когда наконец-то смог видеть окружающий мир, то в тёмном зале остались только мы с Хозяйкой. Ни Гекаты, ни Исиды здесь больше не было. Исчезли жертвенник и мёртвые псы. Потухли жаровни возле стен, но в воздухе был разлит тусклый свет и стелились робкие плети тумана.

— Очнулся? — Хозяйка обернулась ко мне.

— Я правильно понимаю, что уже всё?

— Да, — она рассмеялась, и смех напоминал звон падающих льдинок. — Госпожа Перекрестков закончила свой долгий путь.

— Исида тоже?

— Называвшаяся Великой Матерью заключила со мной соглашение и покинула пределы этого мира. Больше мы её не увидим.

— Таланты, которые были её частью, тоже пропали?

— Увы, это так не работает, — Хозяйка вздохнула. — Они будут постепенно затухать, растрачивая силу и не перейдут к наследникам. Думаю, лет через сто они растворятся окончательно.

— А...

— Хватит вопросов на сегодня. Кстати, когда Исида выторговала условия ухода, то очень просила ещё и твою жизнь, даже готова была выдать мне несколько интересных тайн за неё. — Хозяйка подошла ко мне и пристально посмотрела в глаза. — Не знаешь почему?

Я пожал плечами.

— Без понятия. Мне до колик надоели Павшие, их тайны и угрозы. Можно мне взять отпуск? Лет на пятьдесят, на меньшее я не согласен!

— А не заскучаешь? — Хозяйка усмехнулась. — Хотя пусть будет так. Отвези того смешного мертвеца в древние гробницы, и следующие десять лет я не буду требовать от тебя сложной службы. Живи, занимайся своими делами, а потом я подумаю, куда тебя применить.

Пока мы с ней разговаривали, зал полностью преобразился. Стены исчезли, вместо камня под ногами появилась сухая трава и густой холодный туман вокруг. Убежище Павшей влилось во владение Хозяйки и стало местом за гранью.

— Иди, — кивнула Хозяйка, — твой “отпуск” уже начался.

Глава 5 - Пощечина

Из-за грани я вывалился шагах в десяти от Диего, за её спиной. К чести испанки, среагировала она мгновенно: выдернула пистолеты и обернулась, целясь в меня. За краткую секунду на её лице хищное выражение сменилось удивлением, затем мелькнула радость, превратившаяся в озабоченность.

— Всё? — Диего попыталась спрятать чувства за безразличным тоном, но ей это плохо удалось.

— Всё.

Я кивнул и улыбнулся. И чтобы не рухнуть от усталости, сел на землю. Только сейчас напряжение начало спадать: руки дрожали, резервы эфира были выжаты почти досуха, а мир выглядел словно выцветшая картинка, без запахов и оттенков. Хотелось только упасть и заснуть на месте, прямо под открытым небом.

Диего сунула пистолеты за пояс и подошла, разглядывая меня как диковинную зверушку. Вдохнула и плюхнулась на землю рядом. Вытащила откуда-то из-под одежды фляжку, открыла пробку, понюхала и сделала глоток. Поморщилась и протянула мне.

— Уж извини, Констан, и близко не то, что пьёт Киж. Но лучше это, чем ничего.

Молча я взял флягу и приложился к горлышку. По пищеводу прокатился горячий комок, на мгновение заставив замереть. А через несколько ударов сердца ко мне вернулись обычные ощущения. Утренние сумерки наполнились всеми оттенками синего, послышалось далёкое щебетание птиц, а лицо тронуло лёгкое дуновение ветерка. Ёшки-матрёшки, хорошо-то как!

— Расскажешь? — Диего заглянула мне в лицо с болезненным интересом.

Не найдя подходящего ответа, я развёл руками и промычал что-то бессмысленное. Выразить противостояние с Павшей простыми словами не получилось бы при всём желании. Исида не говорила со мной человеческой речью — всё это были потоки эфира, сплетённые в многослойную вязь. Обещания, что она раздавала, звучали силой, а не звуками человеческого языка. Подозреваю, что моё общение с Хозяйкой происходит по тому же принципу, только я не умею этого замечать.

— Понимаю, — испанка вздохнула. — Со мной однажды было что-то подобное. Тоже ничего сказать не могла, только пила и ругалась, как сапожник.

По очереди отхлёбывая из горла, мы молчали и смотрели, как небо над горизонтом светлеет, превращаясь из тёмно-синего в лазурное.

— Я подумала над твоими словами, Констан. — Диего отбросила пустую флягу и вздохнула. — В чём-то ты прав, наверное. Так легко сказать себе “хватит”, опустить руки и уйти в посмертие. Раз — и всё, никаких метаний, мыслей и сомнений. Только покой и забвение. Да?

Она запрокинула голову и уставилась в небо, туда, где догорали последние звёзды.

— Самый простой выход, самый лёгкий. Но, по сути, самый подлый и предательский, когда предаёшь саму себя. Опустить руки, подставить голову и сказать: я сдаюсь. Я ничего не могу, не хочу и не буду менять, пусть остаётся как есть. Так?

Диего повернулась ко мне, ожидая ответа, и я кивнул со всей серьёзностью.

— Уйти не выход, Констан, ты прав, — она скривила губы в подобие улыбки. — Ведь у меня есть шанс что-то изменить, доделать то, что не успела, оставить хоть что-то в этом мире, чтобы меня помнили. И я собираюсь им воспользоваться, если ты не возражаешь. Может быть, с тобой мне повезёт больше, чем с прошлыми “начальниками”.

Она зло сплюнула и отвернулась, разглядывая что-то вдали. Но через несколько минут её снова прорвало.

— Мы с тобой похожи, Констан. Ты некромант и не можешь иметь наследника. А я мертва и никогда не смогу родить дочь. Маленькую девочку, хорошенькую, как ангел. С густыми-густыми волосами, которые я расчёсывала бы ей на ночь. Целовала и сидела над её кроватью, напевая колыбельную. *Niña niña, quién descansa? Descansa niña, por la noche...*

Мёртвая испанка всхлипнула и уткнулась в колени, закрыв голову руками. Любые слова сейчас были лишними, и я просто обнял вздрагивающую Диего за плечи. Так мы и сидели, пока над горизонтом не вспыхнул краешек солнца.

Из Монте-Каво мы спустились обратно на виллу кардинала. Дело было сделано, все получили по заслугам, и я решил компенсировать финансовые расходы на это мероприятие. Как говорится, чёрный песок — это хорошо, но денег Хозяйка не платит, и приходится жить на “подножном корме”. А у меня на иждивении целое княжество, между прочим.

В особняк мы входили под “плащом”, чтобы лишний раз не попадаться на глаза случайным свидетелям. Но предосторожность оказалась напрасной: после устроенного тарарама все слуги и обитатели виллы разбежались. Только с кухни доносился шум, и мы обнаружили там двух мужичков, деловито собиравших продукты в мешки. Я на эту “роскошь” не претендовал и махнул на воришек рукой.

Войдя в кабинет кардинала, я скинул “плащ” и кивнул Диего.

— Ну-с, где тайник?

Она цыкнула языком и сдвинула тяжёлое кресло, в котором раньше сидел хозяин особняка. И указала на замаскированную крышку люка на полу. Подцепив её кинжалом, я открыл тайник и присвистнул. Кардинал Мартино оказался жадным скрягой, буквально сидящим на золоте. Два десятка небольших сундучков были забиты испанскими золотыми дублонами. Все монеты были сложены в стопки, и каждая обёрнута в матерчатый мешочек. По самым скромным прикидкам, мне досталось двести тысяч полновесных рублей, причём в самой удобной форме.

— Осталось придумать, — я почесал в затылке, — куда перепрятать это богатство. Путешествовать в Египет с таким грузом неудобно и опасно.

— Даже не смотри на меня, — буркнула Диего, — я не потащусь через всю Европу с прорвой золота. Я хоть и мёртвая, но не сумасшедшая.

— Предлагаешь закопать в лесу и вернуться на обратном пути?

— Констан, — она посмотрела с иронией, — ты знаешь, как работают банковские дома? Стоить будет недёшево, но деньги они доставят в Злобино с гарантией. Вопросов задавать тоже не станут при такой сумме.

— Флорентийцы? Слишком долго возвращаться.

— Не обязательно, есть более интересные варианты. Заедем в Ананьи и там всё оформим.

— Куда?

— Ананьи, небольшой городок на востоке отсюда. Там находится летняя резиденция Папы, ну и, сам понимаешь, там есть всё, что нужно для богатых людей. Уж поверь, Папа знает толк в надёжных банках лучше любого другого правителя.

Добирались в Ананьи мы долго и очень скучно. Во-первых, Диего пришлось съездить в Рим: забрать кой-какие наши вещи, замести следы и купить нормальный дормез. А я пока сидел на вилле, присматривая за золотом и пугая новых грабителей, решивших поживиться чужим добром.

Во-вторых, дорога оказалась не слишком хорошая, а золото весило не один пуд. У нас дважды ломалась задняя ось, и приходилось останавливаться для ремонта. К счастью, вокруг было полно деревушек и маленьких городков, так что кузнецов найти было несложно.

В-третьих, и в-главных, на меня начала накатывать сонная одурь. Я всё время клевал носом и ползал как сонная муха. То ли последствия столкновения с Падшими, то ли опустошённый резерв силы так влиял, но даже Диего заметила моё состояние.

— Уверен, что с тобой всё в порядке? Бледный ты какой-то, глаза странно блестят.

— Нормально, не обращай внимания. Устал просто и не выспался.

Она с сомнением покачала головой и на первом же встреченном постоялом дворе предложила нормально отдохнуть. Но и эта мера не принесла облегчения — коматоз продолжал держать меня в мягких лапах, не давая прийти в себя. Даже остановки на ремонт дормеза не раздражали, оставляя равнодушным.

Ко всему прочему, меня начал злить солнечный свет. Страшно хотелось забиться в тень, спрятаться от палящих лучей и не выглядывать до самой темноты. Но с этой блажью удалось легко справиться, просто задавив в зародыше.

К тому времени, как мы подъехали к Ананьи, моё недомогание отступило. Городок, кстати, оказался скорее строгим, чем помпезным. Собор Благовещения Святой Марии в готическом стиле выглядел величаво и сурово, наблюдая за прихожанами узкими окнами. Диего рассказала, что под ним есть крипта святого Магнуса со старинными фресками и мозаичными полами, выложенными ещё старыми мастерами косматеско. Но увы, сами понимаете, я даже одним глазом не мог на них взглянуть.

— Обязательно надо сходить в палаццо Гаэтани и посмотреть на Зал Пощёчины, — нудила Диего. — Нельзя упускать возможность его увидеть.

— Зал Пощёчины? Кого там били? Еретиков?

Испанка сделала круглые глаза и глянула на меня с возмущением.

— Ты что, ничего не знаешь про пощёчину в Ананьи?! Ты же образованный человек! Неужели даже не слышал про Бонифация Восьмого?

— Я не слишком интересовался историей, особенно про Римских Пап и их приключения. Так кого этот Бонифаций лупил ладошкой по щекам?

— Не он, — зашипела Диего, — а его! И не ладонью, а латной перчаткой!

Мне пришлось выслушать от неё длинную лекцию о Папе Бонифации, который пытался привести к подчинению королей и заодно перессорился с кучей народа. Он собирался отлучить французского Филиппа Четвёртого, а тот послал к Папе войска во главе с хранителем печати Гийомом де Ногаре. Тот захватил Папу и потребовал отречения. Но Бонифаций, несмотря на возраст в восемьдесят шесть лет, мужественно отказывался. "Вот моя голова, вот моя выя; пусть я умру, но умру папой", — говорил он. И тогда Ногаре дал ему ту самую пощёчину, не снимая латную перчатку. Папу освободили через три дня, но он вскорости умер.

Что меня заинтересовало в этой истории, так это знакомые исторические персонажи. Филипп Четвёртый был именно тем, кто разгромил орден Тамплиеров, прародителей моих "любимых" масонов. Не удивлюсь, если между этим событием и разборками с Папой была прямая связь. Так что я согласился осмотреть палаццо Гаэтани, под "плащом" естественно.

Впрочем, палаццо оказалось просто большим домом, не слишком роскошным. В Зале Гусей мы видели древние фрески с птицами, совсем не похожими на гусей. А в Зале Пощёчины вместо Папского трона стоял старый рассохшийся стул. В общем, место, может, и знакомое, но не слишком впечатляющее. Хотя под самый конец "экскурсии" я обнаружил интересную деталь. На полу была выложена старая мозаика, почти стёртая за годы. Цветные камушки

складывались в узор, точно воспроизводящий один из Знаков Тау. Никакого эфира в нём не было, но я на всякий случай взял этот рисунок на заметку.

Закончив с достопримечательностями, я занялся главным вопросом. К моей удаче, с деньгами всё решилось самым лучшим образом. Один сундучок я оставил на карманные расходы, а остальные отправились в хранилище флорентийского банка. За десять процентов от стоимости “добрые” банкиры обязались доставить оставшееся золото в Злобино, прямо в руки Марье Алексевне. С учётом моей репутации, гарантии они дали самые серьёзные. Ну а если кто-то их не выполнит, я навещу Флоренцию и устрою там то, что не сделал в Венеции.

Нас ждал Неаполь. Дормез, отремонтированный в очередной раз, неспешно катился по дороге, громыхая и подпрыгивая на кочках. Диего правила лошадьми, сидя на козлах, а я дремал в экипаже, “наслаждаясь” путешествием. В какой-то момент на меня снова накатила одурь, глаза начали закрываться, а в голове поплыло. Но не успел я задремать, как в плечо сильно толкнули.

Я дёрнулся и увидел Анубиса. Шакалоголовый Талант сидел напротив и ухмылялся, демонстрируя острые зубы. Он приложил палец к губам, требуя тишины, и поднял руку.

— Кровь Исиды, — шепнул он, — ты вкусил её.

Анубис говорил не словами, а образами. Показывая, как капли серебряного ихора попадают мне на губы и я автоматически слизываю их.

— Сила, — оскалилась шакалья морда, — теперь у тебя есть собственная сила.

Палец ткнул меня в грудь напротив сердца. И я ощутил, что где-то внутри течёт тоненький ручеёк эфира. Сам по себе, уроборос без начала и конца. Совсем-совсем крохотный, которого не хватило бы даже на исполох.

— Он с тобой, что бы ни случилось, — строго зыркнул Анубис. — Спасёт, если будешь один.

Шакальи зубы щёлкнули, и Анубис пропал так же внезапно, как и появился. А я расхохотался, сбрасывая напряжение. Да как же, останусь я в одиночестве! Ни Хозяйка, ни Анубис не отпустят меня, даже если я этого захочу. Да и без силы уже никак — не представляю, что стану простым деланным магом без Таланта.

Глава 6 - Медведь

Шумный, солнечный и ветреный. Пропитанный запахами морской соли, водорослей и рыбы. Многоголосый и страстный, скорый на любовь и ненависть. Неаполь!

Ах, какие блюда здесь подают в тратториях с видом на Везувий! Сколько видов сыров и разной рыбы. Кальмары, каракатицы и осьминоги, приготовленные тысячью и одним способом. А мясо? Все эти колбасы, рулетики с начинкой, запечённая ягнятина, тушёные кролики и генуэзский соус. Стоит только увлечься — и не заметишь, как взял к ним ещё и местного вина, и оно из ручейка превращается в реку. Особенно если с тобой за столом сидят Киж с Диего и соревнуются, кто лучше разбирается в местных виноградниках.

На радость моим спутникам, мы проводили вечера подобным образом уже вторую неделю. А вот я начинал злиться: путешествие в Египет накрывалось блестящим медным тазом. Как сказал один из капитанов корабля, с которым я беседовал на днях: “Это как непогода, синьор. С ней ничего нельзя поделать, только смириться. До зимы буря не утихнет”. И имя этой буре было — берберские пираты.

Север Африки, от Египта до Атлантического океана, называют Магрибом, страной Заката. Когда-то там правили арабы, потом Османская империя, но затем власть оказалась в руках мелких беев и султанчиков, племенных вождей и прочего сброда. И вся эта вольница жила за счёт работорговли и грабежа.

Берберские пираты Алжира, Туниса и Триполи бесчинствовали по всему Средиземному морю. Захватывали корабли, совершали налёты на побережья итальянских княжеств, Франции и Испании, воруя людей для рабовладельческих рынков Африки и Османской империи. Страдали и авалонские купцы, отчего эльфы приходили в бешенство и устраивали карательные экспедиции. Но силой проблему решить практически не удавалось, и в ход шли деньги. Алжирский султан, как самая крупная жаба в магрибском болоте, получал откуп и на время утихомиривал пиратскую вольницу. А через некоторое время всё начиналось заново.

В этом году пираты свирепствовали особенно сильно. То ли не получили обычных “подарков” от авалонцев, то ли французы разозлили их внезапным рейдом. Торговля практически встала, корабли стояли в портах, и купцы жаловались на страшные убытки. Лишь самые ушлые, имеющие особые отношения с пиратами, рисковали плавать в Османскую империю и Египет, получая баснословные барыши. Я, кстати, начал подозревать, что за всем этим стоят османы, стригущие сверхприбыли от торговли из-за дефицита и ограничений.

Увы, в этой ситуации найти корабль для поездки в Египет было невозможно. Никто не хотел даже слышать о таком плавании ни за какие деньги. Но у меня оставался ещё один вариант — контакты, что дал Джурьефф. Хотя они и выглядели мутными и подозрительными, но особого выбора не оставалось. Что же, пусть будут контрабандисты! В крайнем случае, я всегда могу убить их, поднять и поплыть на корабле с командой из мертвецов.

Из списка Джурьеффа я вычёркивал одного человека за другим. Кого-то не было в городе, кто-то умер, некоторые “отдыхали” на каторге. Единственное знатное семейство, указанное в бумагах, оказалось в опале у монарха Неаполитанского королевства и покинуло город. Парочка купцов, которых удалось найти, при упоминании некроманта бледнели, готовы были дать денег, но помочь с кораблём в Египет не могли.

Последним контактом оставался некий Орсо Рыжий Медведь Роспильози. Напротив его имени Джурьефф сделал пометку: сложный человек, легко выходит из себя, последний раз

возникло недопонимание. Что за “недопонимание” он не указал, но я всё же решил посмотреть на этого Медведя.

Те самые “сложности” начались с самого начала. Во-первых, связаться с Рыжим Медведем оказалось не так просто. Требовалось передать условный знак хозяину таверны на въезде в Неаполь. Во-вторых, пришлось ждать три дня, пока он соизволит ответить и согласиться на встречу. В-третьих, “свидание” было назначено на закате в оливковой роще за городом. Куда этот синьор явился в сопровождении головорезов — целой банды вооружённых моряков.

— Кажется, будет весело, Константин Платонович, — заявил Киж, оглядывая приближающуюся толпу и радостно скалясь. — Давненько не доводилось хорошо подраться. Как думаете, сколько они против меня продержатся?

— Спокойно, Дмитрий Иванович, не заводись. Мы собираемся договариваться, а не устраивать побоище.

— А они об этом знают? Судя по рожам, которые они корчат, нас с вами рассматривают в качестве дичи. Я хоть итальянского не знаю, но орут они что-то не сильно любезное.

Из толпы моряков появился колоритный синьор и направился ко мне. Прозвище Рыжий Медведь ему подходило как нельзя лучше. Высокий, широкоплечий, с густой копной рыжих волос, выпирающей челюстью и красным шрамом на правом виске. Медведь и есть, самый настоящий.

— Кто из вас Уруссофф? — выкрикнул он, останавливаясь шагов за пять и указывая на меня пальцем. — Ты?!

— А ты — Орсо Роспильози. Приятно познакомиться, синьор Рыжий Медведь!

В ответ он скорчил жуткую рожу и глухо пророкотал:

— Мне — нет! Кто тебе сказал тайное слово, хлыщ? Не припомню, чтобы у нас были общие знакомые.

— Тем не менее, они у нас есть. Как тебя найти, мне сказал Джурьефф. Знаешь такого? Лицо Роспильози стало мрачным, глаза прищурились, а губы сжались в ниточку.

— Знаю. Очень хорошо знаю. Говоришь, он тебя прислал? Синьор некромант раскаялся и хочет вернуть должок?

Роспильози ухмыльнулся и положил ладонь на эфес тяжёлой шпаги, будто намекая, какой именно долг хочет получить.

— Ваши дела с Джурьеффом меня не касаются, синьор Роспильози. У меня к вам...

— Касаются! — перебил меня Медведь. — Самым прямым образом, синьор! Если ваш покровитель...

— Он не мой покровитель.

— Без разницы! Ты! — он побагровел. — Ты ответишь за его обман! Не будь я Рыжий Медведь, если не засолю и не отправлю твоё ухо Джурьеффу! То-то жулик порадуетя такому подарку!

Клинок Роспильози покинул ножны и со свистом рассёк воздух. Я рассмеялся, перехватив взгляд драчуна, и сложил руки на груди.

— Синьор! Где ваши манеры? Вы не слишком торопитесь начать дуэль?

— Никакой дуэли, синьор! Я же сказал, что просто отрежу ваше ухо и отпущу на все четыре стороны. Если вы, конечно, извинитесь, что отвлекли меня от дел.

— Если это не дуэль, — я усмехнулся, — то вами, синьор Неотёсанный Медведь, займётся мой друг Киж. Познакомьтесь, Дмитрий Иванович обожает драться и учить хорошим манерам. Сейчас он преподаст вам первый урок вежливости.

Киж будто засветился от счастья.

— Спасибо, Константин Платонович! Ай, спасибо! Вот это сюрприз! Умеете вы делать настоящие княжеские подарки!

Он шагнул вперёд и церемонно поклонился. Обнажил оружие, расхохотался и указал на Рыжего Медведя. И сделал оскорбительный жест, понятный каждому мужчине, вне зависимости от того, на каком языке тот говорит.

Роспильози побагровел, выпучил глаза и зарычал, оправдывая своё прозвище. А затем кинулся на Киж, размахивая тяжёлым клинком, будто зубочисткой.

Начало потасовки Роспильози воспринял с восторгом и радостной удайю. Но после первых обменов ударами на его лице появилось лёгкое удивление. Киж, почти в полтора раза меньше его, оказался сильнее, гораздо гибче и подвижнее. Словно охотничий пёс, он насккивал на Медведя, атакуя с разных сторон. Как жидкий металл, постоянно в движении, он не давал ни секунды на передышку.

— Р-р-р-р!

Медведь рычал, размахисто отбивая удары и не уступая Кижу в ярости. Там, где не мог взять в ловкости, он брал силой. Иногда чуть не сбивая мертвеца с ног неимоверной мощью.

Впрочем, насладиться зрелищем эпической схватки в полной мере не удалось. Моряки, видя, что предводитель завяз в драке, решили коллективно разобраться со мной. Люди они были простые, не обременённые заморочками чести и действовали как привыкли. То есть безусловно поддерживали своего патрона, как и положено хорошим слугам и товарищам по морскому ремеслу.

Толпа моряков обтекла дерущихся Киж и Роспильози с двух сторон, беря меня в клещи. Тесаки в руках драчунов блестели рыбинами, всплывшими из глубины, бандитские рожи лыбились, предчувствуя лёгкую добычу, а голоса напоминали завывание своры, идущей на охоту.

— Вынужден разочаровать вас, синьоры. Сегодня я не в настроении.

— Не беспокойся, красавчик! — шедший впереди моряк осклабился, показав порченные зубы. — Тебе сейчас будет очень весело!

— Возможно.

Устраивать маленькую “жатву” я не собирался. Зачем? Я же не Джурьефф, в конце концов, чтобы делать из мёртвых моряков многорукого кадавра. Да и слухи о моей кровожадности сильно преувеличены. Так что я просто швырнул в этих остолопов чистым эфиром, даже не “разогревая” его до исполоха. Так, будто птичка крылышком махнула, отгоняя назойливых букашек.

Бумс!

Вся толпа полетела на землю, кувыркаясь, словно кегли.

— А-а-а-а!

Кто-то заорал, приложившись об острые камни лицом. Другие отплёвывались и вскакивали на ноги. А самые умные, или хитрые, начали отползать в сторону.

— Синьоры, вы не поняли с первого раза?

Я зажёл на пальцах синий огонь и посмотрел на моряков через пламя.

— Stregone!

— Strega!

— Спасайся!

— Бей колдуна!

Моряки разделились. Одни кинулись прочь, другие, самые смелые или дурные, рванули ко мне.

В этот раз я швырнул их жёстче, повысив плотность эфира, а заодно сделав его видимым. Думаю, им показалось, будто их сбил дормез на полном ходу. Кажется, не обошлось без пары сломанных рук, свёрнутых носов и одного оторванного пальца.

— Синьоры, — я сложил руки на груди и оглядел фигуры на земле, — не отвлекайте меня. Я хочу посмотреть, как дерётся ваш господин. Вам бы тоже не помешало взглянуть — очень поучительное зрелище.

А Киж и Роспильози перешли в ту стадию, когда бойцы уже не видят никого, кроме противника. Медведь стал выдыхаться, удары его потеряли былое изящество, он стал спотыкаться, но сдаваться не собирался. А Киж был по-прежнему свеж, лыбился и успевал материться по-русски между ударами. И, судя по всему, Роспильози прекрасно понимал, что именно ему говорят.

— Дмитрий Иванович!

Мне пришлось несколько раз позвать Киж, чтобы тот услышал и ответил.

— Да, Костя! Сейчас уже заканчиваю!

— Мне он нужен живым и более менее целым. Сможешь?

— Обижаешь! Сделаю!

Медведь зарычал во всю мочь и кинулся в последнюю атаку. Его клинок чуть не перерубил Киж пополам, но тот увернулся в последний момент. Ловким ударом мертвец выбил оружие у противника и скакнул вперёд. Подпрыгнул и ударил Роспильози лбом в лицо.

Что-то хрустнуло. Медведь свёл глаза к переносице, зашатался и медленно стал оседать на землю.

— Dio porco! Non me ne frega un cazzo... Stronzo...

— Как и просили, Константин Платонович, — Киж улыбнулся. — Отлично развлеклись.

— Да, неплохо. — Я обернулся к морякам и указал пальцем на самого целого. — Тащи воду!

— Зачем, синьор? — он выпучился на меня и захлопал глазами.

— Будем приводить в чувство вашего Медведя. Не оставлю же я благородного синьора лежать ночью на земле, будто бродягу.

— Не надо воды, синьор! Для этого есть вино! Едва наш Рыжий Медведь почувствует запах молодого вина, он сам очнётся!

Похоже, ватага отправлялась на встречу с нами как на увеселительную прогулку. Так что бутылки с вином нашлись под ближайшим деревом, откуда их и принесли. Сами же моряки, почувствовав, что драка закончилась, начали сползаться обратно, хоть и держались от нас с Кижом на расстоянии. Но, видя, что мы не собираемся убивать их патрона, а даже пытаемся вернуть его в сознательное состояние, стали помогать.

Роспильози усадили возле дерева, вытерли кровь с лица и начали шлёпать по щекам. Тот мотнул головой раз, другой и застонал. Не открывая глаза, он выхватил ближайшую бутылку и приложился к ней, за раз выхлебав половину.

— Кто бы ты ни был, — Роспильози открыл глаза и покосился на Киж, — ты настоящий дьявол. Мечом владеешь, как ангел, выгнавший Адама из Рая.

Киж довольно ухмыльнулся.

— Будешь вежливым — и тебя так научу.

Я присел на корточки напротив Роспильози и посмотрел ему в глаза.

— Успокоился? Теперь мы можем поговорить, Медведь?

Он захохотал, запрокинув голову.

— Можем, синьор колдун. С такими драчунами грех не поговорить о настоящем деле.

Я протянул ему руку, и он без колебаний принял её.

— Только в другом месте, синьор колдун. Эта роща не подходит для беседы.

Глава 7 - Дурак

— Pezzo di merda!

Медведь Роспильози скривился, коснувшись пальцами разбитого носа, и грохнул кулаком по столу.

— Бернардино, увалень! Долго я буду ждать?!

— Уже несу! Уже несу!

Толстенький человек с добродушным круглым лицом возник будто из воздуха и принялся расставлять тарелки с едой. Следом появилась служанка, обаятельная хохотушка с ямочками на щеках, и кинулась наливать вино в глиняные кружки. Успевая при этом хихикать и строить глазки Медведю.

Постоялый двор, куда мы переместились для разговора, принадлежал Роспильози и был заведением исключительно “для своих”. Если я правильно понял, здесь обитали моряки Медведя и хранилась контрабанда. Мне даже не потребовалось раскидывать “ловчую сеть”, чтобы почувствовать в подвалах склад специй, тканей, восточных диковинок и магического огнестрела. Последний, кстати, фонил чуть иначе, чем европейские стволы, выдавая работу османских мастеров. Интересные дела, однако, крутит синьор Медведь.

Первую кружку Роспильози выпил залпом, откинулся на стуле и тяжело вздохнул. Оглядел стол, за которым кроме него сидели только мы с Кижом, и налил сам себе из кувшина.

— Выпьем, синьоры, — заявил он. — Давно никто не пытался разделить меня в одиночку. И откуда только вы взялись?

— Из России.

— О! — Роспильози удивлённо поднял брови. — Ни за что бы ни подумал! Я посчитал, вы пруссаки или французы.

— Мы русские, — я усмехнулся, — даже не сомневайся, Медведь.

Роспильози гыкнул, поднял кружку и выпил её в два глотка. Киж тоже не остался в стороне, а я только пригубил. Ночка, чувствую, будет долгая, и трезвость мысли стоит сохранить подольше.

— Тогда, северные гости, давайте познакомимся как положено. Я — Орсо Роспильози по прозвищу Рыжий медведь. Дворянин из хорошей семьи, чьё доброе имя сгубили враги рода и обрекли продавать свою шпагу и кровь.

— Враги, я полагаю, уже расплатились за этот долг?

— О да, синьор! — Медведь осклабился. — Не сомневайтесь, они отдали всё с процентами. А ты...

— Князь Константин Урусов. Мой друг, — я кивнул на Киж, — и помощник Дмитрий Киж, драгунский поручик в отставке.

— Poruchik?

— Это как, — я решил слегка подшутить, — центурион.

— О! — Роспильози уважительно посмотрел на мертвеца. — Сразу видно, что боевой офицер, а не паркетный шаркун. Выпьем, синьоры! За нас, соль земли — людей занимающихся настоящими делами, а не пачкающих воздух пустыми словами!

Мы снова подняли кружки. Медведь пил вино, как воду, впрочем, при его комплекции это было не удивительно.

— Князь, значит, — Роспильози покачал головой, обернулся и крикнул своим людям, севшим от нас подальше: — Эй, бамбини! Сегодня вы получили по шее от настоящего князя! Гордитесь!

Те ответили громким хором, завопив что-то нечленораздельное и восторженное. Один из матросов встал и предложил выпить за Медведя и его гостей. Затем уже Киж поднял кружку за

смелость и хорошую драку. Между Роспильози и Кижом завязался разговор о колющих ударах, сначала чуть не перешедший в спор, а потом всё-таки перешедший.

— Бернардино! Принеси нам тыкву!

Толстяк выглянул из кухни и удивлённо спросил:

— Тушёную с кроликом? Или запечь с мёдом?

— Целую! Тащи немедленно!

Здоровенную оранжевую тыкву водрузили на отдельный стол, и Роспильози продемонстрировал удар. Киж на это сказал “ха” и показал собственный укол. Оба драчуна тыкали несчастную тыкву железом, пока та не развалилась на части. После чего Медведь и мертвец сошлись на мнении, что уколы это хорошо, но рубящие удары всё-таки интереснее.

— Бернардино! Тащи ещё одну!

— Нету, последняя была, — толстячок развёл руками.

— Да и чёрт с ней, — Медведь отмахнулся. — Выпьем, центурион!

Через три кружки Роспильози уговорил Кижу бороться на руках. Очень уж ему хотелось хоть в чём-то взять реванш за проигрыш в оливковой роще. Мертвец и тут не сдал позиций и свёл дело к ничьей. Но в глазах у него плясали смешливые огоньки — Кижу крайне забавляла эта ситуация, и он беззлобно подтрунивал над Медведем. Через час они разговаривали на жуткой смеси русского и итальянского, отлично друг друга понимая.

Про меня Киж с Медведем забыли, общаясь на своей волне. Пришлось развлекаться от скуки, наблюдая, как служанка-хохотушка вертится вокруг стола и строит мне глазки.

— Никто вас в Египет не повезёт, — Медведь повысил голос. — Ни-ни!

Я на мгновение поймал взгляд Кижы, и тот подмигнул мне.

— Из-за пиратов?

— Пираты! — Медведь громогласно расхохотался. — Они тоже люди, с ними всегда договориться можно. Им даже удобнее — чем гоняться за тобой, стрелять, а потом ждать выкупа, деньги сами приходят.

— А в чём же тогда дело?

— В мамлюках, дружище.

— Поясни.

— В Египте османский паша только деньги собирает, а заправляют в городах мамлюки. Уж поверь, их колдуны не слабее наших, но они держатся вместе и толпой затаптывают любого. Любой маг-чужак, особенно христианин, для них враг и добыча. Вот представь: привезли тебя в ту же Александрию. Сразу вопросы к тому, кто это сделал: зачем, с какой целью шпиона притащил? Или корабль заберут, или разденут до нитки. Так что никто ради вас налаженными связями рисковать не будет.

Медведь усмехнулся и продолжил:

— А если ты всё-таки сумеешь уговорить кого-нибудь, то прямо на пристани к вам выстроится очередь. Сначала золото потребуют османские чиновники. За въезд, за воду, за вес поклажи, за лицо без бороды, за воздух, за всё остальное. Потом за то же самое скажут заплатить мамлюки. И будут трясти, пока не вынут всё до последнего медяка. А после посадят вас в зиндан, чтобы получить выкуп.

— Это будет не так-то просто, знаешь ли.

— Разрушите порт? Ну, предположим. А дальше? Куда вам надо? В Каир? Где вы возьмёте верблюдов и проводников? Будете пробиваться с боем? Вы, конечно, сильны, но не сможете разбить мамлюкских колдунов.

— И нет никакого способа?

— Только если вас пригласит османский паша. С его охранной грамотой иностранцы могут свободно путешествовать по Египту. — Медведь запустил пальцы в рыжую шевелюру, раздумывая. — Могу сказать, к кому обратиться в канцелярии Неаполитанского короля.

Думаю, они смогут добыть вам такой документ, но стоять это будет огромную сумму. Ну и подождать придётся, до зимы как минимум.

Такая новость откровенно расстроила. Чёрт с ними с деньгами, но так долго я не могу себе позволить сидеть в Неаполе. Проще утопить мумию в море и сказать, что случайно вышло. Или сжечь? Теоретически можно сбросить её в Везувий — вчера сам видел над вулканом струйку дыма. Или попробовать развоплотить её, вдруг получится.

От мыслей о ликвидации мумии меня отвлек разговор Киж и Медведя.

— Нет, ты скажи, caro amico!

— Ерунда, забыли, Деметрио!

— Вовсе не ерунда, Орсо. Чем тебя Джурьефф так обидел?

— Не хочу говорить.

— Мне? Не хочешь? Значит, ты сейчас врал, что мне друг?

Медведь пьяно замотал головой.

— Это плохая история, Деметрио. Зачем нам сейчас грустить?

— А мы не будем грустить. Давай выпьем!

Едва Роспильози опустил кружку, Киж обнял рукой его за плечи и заговорщицки указал на меня.

— Видишь его?

— Князя? Вижу. Хороший князь, не то что остальные.

— Он всё может. Огромной силы маг! Джурьефф его сам боится.

Икнув, Роспильози прищурился одним глазом, посмотрел на меня и спросил:

— А он может Джурьеффу голову оторвать? Давай ты его попросишь!

— Голову всегда успеется. Ты скажи, что Джурьефф тебе сделал, а там решим, как лучше. Может, Константин Платонович сможет тебе помочь?

Лицо у Медведя сделалось напряжённое, почти злое. Он потянулся за кувшином, неловко дёрнул его за ручку и скинул на пол. Звон разбившегося кувшина заметила только служанка и тут же принесла новый, полный до краёв. Вот только Роспильози передумал пить. Он повернулся ко мне всем телом и хмуро смотрел из-под бровей.

— Врёт твой центурион? Или правда можешь?

Я подался вперёд и, оказавшись с ним лицом к лицу, ответил:

— Я некромант. Если смогу — отказывать в помощи не буду.

Роспильози засопел, хмурясь и катая желваки на скулах.

— Какую цену ты берёшь за свою работу?

— Ты меня с кем-то перепутал, Орсо Рыжий Медведь. Я князь, а не лавочник, и не торгую своими услугами. Или у вас дворяне всегда называют цену, прежде чем помочь?

Он прищурился, разглядывая меня будто заново.

— По-разному, князь Константино, — с горечью выдохнул он. — Идём, я расскажу по дороге.

Медведь не стал брать никого из своих людей, и я подал Кижу знак оставаться на постоем дворе. Мы вышли наружу и двинулись через оливковую рощу, залитую полной луной. Тишина лезла в уши мягкими пальцами, листва казалась серебряной, а кривые стволы чудились застывшими душами — словно мы оказались на берегах Леты, реки, дающей забвение. Когда Роспильози начал говорить, его голос звучал глухо и бесцветно, как у покойника.

— Три года назад в Неаполе случилась вспышка колдовской чумы. Которой заболели моя жена и дочь.

На этих словах он скорчил такую рожу, что сам Харон, проводник мёртвых, мог бы позавидовать.

— Врачи ничем не могли помочь. Я готов был заплатить любые деньги, искал любой помощи. ... И тогда мне предложили обратиться к Джурьеффу.

— Он сам сюда приехал?

Роспильози помотал головой.

— Нет. У нас был посредник, а потом он прислал огромного чёрного ворона. Обещал, что спасёт моих девочек от смерти, а потом приказал уйти.

Роща закончилась, и мы пошли вдоль поля. Ветер колыхал колосья в лунном свете, и казалось, мы бредём по берегу призрачного моря.

— Когда я вернулся утром домой, они были уже здоровы. Радовались моему приходу и смеялись. Я был счастлив, Константино, и отдал Джурьеффу долг сполна. Всю запрошенную высокую цену. — Роспильози сжал губы. — И ушёл на корабле на промысел.

Впереди показался маленький дом в окружении деревьев. В окошке горел свет одинокой свечи и слышался тихий голос, напевающий грустную мелодию.

— Когда я вернулся через полгода, мне сразу бросилось в глаза — моя дочь не выросла ни на йоту. Жена осталась такой же, будто я только что вышел и вернулся через минуту.

По щеке Медведя пробежала судорога.

— А затем я увидел, что они не едят, не спят и не помнят о моих отлучках. Посмотри сам, и убедишься. Они мертвы! Джурьефф убил их и сделал линкетто, слугами Тухулки!

— Тш-ш-ш!

Я приложил палец к губам и приказал Роспильози оставаться на месте. А сам пошёл к дому и заглянул в окно.

Мне хватило одного мгновения, чтобы разобраться в происходящем. Но я стоял почти четверть часа, наблюдая за маленькой девочкой, играющей с кошкой, и за женщиной, вышивающей узор на платке. Вышивающей и раз за разом распускающей нити, круг за кругом, одно и то же. Вот он, результат “удалённой” работы некроманта, полюбуйтеся, если можете!

Стараясь не выдать своего присутствия, я развернулся и пошёл обратно к Роспильози. Молча кивнул ему и вернулся на край серебряного поля.

— Видел, Константино? Он обманул меня и...

Я поднял руку, заставляя его замолчать.

— Что тебе сказали, когда предложили обратиться к Джурьеффу?

— Будешь его оправдывать? — В голосе Медведя послышался угрожающий рык.

— Мне нет дела до него, Орсо. Ни до тебя, ни до них, — я указал на дом, — ни до всего Неаполя. Я здесь проездом и вряд ли скоро приеду второй раз. Хочешь, чтобы я помог тебе, отвечай как есть.

Он рыкнул ещё раз, но всё же взял себя в руки.

— Посредник говорил, что Джурьефф может спасти от смерти.

— Что сказал его ворон? Дословно.

— Что я почти опоздал, но он сделает, что может.

— Ты сказал ему, что их нужно вылечить?

— Что?! — Медведь скривил губы.

— Ты сказал ему, что их нужно вылечить? Не спасти от смерти, а именно лечить?

— Да это даже дураку понятно!

Я схватил Роспильози за грудки и потрянул со всей силой.

— Это ты, рыжий дурак! Ты, понял?!

Медведь попытался вырваться со всей недюжинной силой, но не смог сдвинуться даже на полшага.

— Ты обратился к некроманту, дурак! Он мог их вылечить, а ты попросил другого! Ты попросил их поднять! Поднять, идиота кусок! Ты не дал им умереть и заставил мучиться в виде поднятых! Они страдают, не найдя ни жизни, ни смерти! Понимаешь?!

Глава 8 - Считалка для некроманта

— Вы оба виноваты, Медведь. Ты ухватился за шанс, готовый на всё ради своих родных, и не вникал в условия сделки. Не стал разбираться и второпях попросил не того. Я могу тебя понять и не буду винить: своё наказание ты уже получил.

Орсо Роспильози осознал содеянное и стоял на краю ночного поля будто призрак.

— Джурьефф виноват не меньше. Он отнёсся к своему долгу спустя рукава, не вникнув и посчитав себя непогрешимым. Я буду обязан привлечь его к ответственности.

— Не надо, — Роспильози еле слышно вздохнул, — вина только моя.

Я покачал головой.

— Не время мериться, кто крайний. Сейчас нужно исправить ошибку и облегчить участь несчастных.

— Прямо сейчас?

— Да, чем раньше, тем лучше.

— Разреши, — Роспильози подался вперёд и опустился на одно колено, — мне проститься с ними, князь! Проститься и попросить прощения. Умоляю!

В его взгляде стояла страшная тоска и горечь. Но я не стал ему говорить, что собираюсь сделать. Чёрт его знает, как сейчас всё повернётся, ни в чём нельзя быть уверенным, пока своё слово не скажет Хозяйка.

— У тебя есть час, Орсо.

Он вскочил, поклонился мне и быстро двинулся к домику. Не пройдя и нескольких шагов, он кинулся бегом. Я проводил взглядом его фигуру, прикрыл глаза и потянулся за грань.

Туман над сухой травой колыхался как студень. Белые пряди хмурились, накатывали на меня волнами, но я упорно шёл вперёд. К трём соснам, где уже привык видеться с Хозяйкой.

— У тебя опять вопросы, некромант? Или ты решил вернуться досрочно из отпуска?

Она казалась недовольной, будто я оторвал её от важных размышлений. Не предлагая присесть, как в прошлый раз, она окатила меня ледяным взглядом, от которого онемели кончики пальцев.

— Прошу прощения, что побеспокоил, — я поклонился. — Мне требуется консультация, чтобы разрешить возникшую ситуацию.

— Вот как? — Хозяйка удивлённо подняла бровь. — Не думала, что на моей службе могут возникнуть неопределённые “ситуации”. Умерший должен умереть, неупокоенный упокоиться, а живой продолжает жить до отмеренного срока. Что тебе непонятно?

Холод пробрался внутрь, и заныли кости. Обращаться к Хозяйке было рискованным предприятием — у почти божественной сущности свои резоны, которые я не всегда понимаю. Но случившееся с семьёй Роспильози задело какие-то струны в моей душе. То ли из-за маленькой девочки, то ли из-за того, что я сам остался сиротой во время эпидемии. Вот только я не мог просто упокоить бедные души, не попробовав воспользоваться крохотной лазейкой.

— Неясен статус “объектов”. Если ритуал поднятия начали до того, как человек скончался, кем он считается?

— До того? — Хозяйка прищурилась.

— По крайней мере, я так ощутил. Эманации не соответствуют обычным неупокоенным.

— Очень интересно. Кто производил поднятие?

— Джурьефф.

Я не собирался подставлять весёлого любителя кадавров перед Хозяйкой. Но если ты уж взялся зарабатывать на мёртвых, делай это как положено, а не тят-ляп. И коли напортачил, то имей совесть разгребать последствия. Он ведь знал о претензиях Роспильози, но не стал ничего делать, а посчитал произошедшее с итальянцем “недопониманием”.

— Так-так, — Хозяйка хлопнула в ладоши, — будем разбираться, что там произошло.

Туман вокруг сосен заколыхался, будто за его пеленой ворочалось огромное чудовище. Не прошло и минуты, как из белого марева вышла фигура прусского некроманта.

У каждого из слуг Хозяйки свой образ за гранью, отражающий его суть. И если Лукиан из добродушного толстяка становился худым мрачным типом, то Джурьефф претерпел более кардинальные изменения. Кожа на его лице сделалась серой и масляно блестящей, рот превратился в тёмный провал с острыми длинными зубами, а спина выгнулась горбом. Руки стали длиннее и почти касались пальцами земли, а грудная клетка раздалась вширь. Словно он сам стал одним из своих кадавров, изломанным и переделанным. Речь у него тоже изменилась: и манера говорить, и голос звучал, будто сразу несколько человек говорило хором.

— Я здесь, моя госпожа!

Он низко поклонился, а на меня кинул сердитый взгляд.

— Костя, говори, — кивнула мне Хозяйка.

Я принялся кратко пересказывать историю Роспильози. О чуме, болезни его семьи и обращении к некроманту для лечения.

— Не так было! — возмутился Джурьефф и под пристальным взглядом Хозяйки начал объяснять: — Он связался с посредником, попросил спасти от смерти двух человек. Всё как обычно! Это стандартная услуга, чтобы поднять кого-то. Дворяне часто её заказывают, когда не хотят расставаться с женой или любовницей. Я никого не лечу и не собираюсь...

— Позволь уточнить, мой милый Готлиб, — перебила его Хозяйка медовым голосом, — а когда это у Смерти, — она выделила слово голосом, — успела появиться “стандартная услуга” по созданию неупокоенных?

Джурьефф закашлялся.

— Я неправильно выразился, прошу прощения. Это лично у меня такая услуга. Просто подработка, чтобы обеспечить себе достойный уровень жизни. Деньги, моя госпожа, требуются постоянно, чтобы просто жить и заниматься исследованиями.

Скамейка под Хозяйкой медленно преображалась, становясь тронem из слоновой кости. Откинувшись на спинку, Смерть не отрываясь смотрела на Джурьеффа. Тот ёжилась под её взглядом и угрюмо глядел в землю.

— Продолжай, Костя.

— Я произвёл осмотр поднятых ребёнка и женщину. Эфирное поле не соответствует обычным заложным мертвецам — показатели где-то на двадцать градусов сдвинуты в сторону живых. По утверждению Орсо Роспильози, они не помнят происходящие события и не замечают течения времени.

— Готлиб?

— Это обычная практика, моя госпожа, — забормотал Джурьефф. — Господа, заказывающие поднять кого-либо, не хотят, чтобы их подопечные беспокоились о насущном. Они должны радовать, а не задумываться над бренностью бытия. Да и зачем мёртвым суэта живых?

— Скольких ты поднял таким образом?

— Не могу точно сказать. Заказы случаются не так часто, как хотелось бы, и нерегулярно. Сложно вспомнить, за столько лет их уже прилично накопилось. Но у меня есть записи, я могу подсчитать...

— Ты запирали души, когда эти люди ещё были живы?

— А как иначе?! — Джурьефф вскинулся и захлопал глазами. — Огромная экономия сил и времени! К тому же так тела сохраняют большую естественность, не подвергаясь воз-

действию посмертия. Они даже остаются тёплыми! Я сам разработал уникальную, не побоюсь этого слова, методику. Основываясь на опытах с телами кадавров, я придумал несколько замечательных методов, позволяющих...

— Хватит. — Хозяйка поднялась с трона. — Я сама должна увидеть твою работу. Будьте оба здесь, пока я не вернусь.

И она исчезла, оставив после себя только клочья сырого тумана.

Джурьефф вздохнул и укоризненно посмотрел на меня.

— Ну зачем вы так, Константин Платонович? Сразу к начальству, жаловаться. Надо было написать мне, что есть проблемы. Я бы сам разобрался с этим Роспильози! А теперь у меня будут неприятности из-за вас.

— Из-за меня?!

— А из-за кого? Я с вами по-дружески, исключительно из лучших побуждений, поделился контактом этого неблагодарного Роспильози. А вы низко использовали его...

— Глеб Андреевич, прекратите. Вы что, считаете, что я вас подсуживаю? Может, хочу ваш замок отобрать? Окститесь! Я в вашу Европу даже за десяток замков, как у вас, не поеду. У меня своё княжество, если вы не забыли. И я собираюсь ехать туда, а не в вашу Пруссию. Никакого интереса устраивать вам неприятности у меня нет.

— Тогда бы и решили вопрос со мной лично. Ничего, потерпели бы ещё полгодика, всё равно мёртвые.

— Мне кажется, ты стал забывать, для чего назначен некромантом.

— И не тыкай мне, молокосос! — взорвался Джурьефф. — Мало того, что подло нажаловался, так ещё и хамишь!

Джурьефф ошибся — я молчал, а говорила Хозяйка, появившаяся за спиной прусского некроманта. Узкая ладонь с длинными пальцами легла ему на плечо, и узорный иней побежал по одежде.

— Ты разочаровал меня, Готлиб.

Он понял свою ошибку и вздрогнул всем телом.

— Госпожа, я...

— Молчи. Ты зарвался и забыл, зачем я дала тебе силу. Для своей забавы насильно поднимал души, нарушая порядок. Тебе придётся задержаться здесь для обстоятельной беседы.

Джурьефф поник и больше не проронил ни слова. Его глаза покрылись колючими иглолочками инея, а тонкие губы посинели.

— Костя... — Взгляд Хозяйки обратился на меня. — Возвращайся, ты выполнил свою работу.

— Прошу прощения, — я поклонился, — что мне делать с женщиной и ребёнком? Я не могу оставить их в таком состоянии.

— Уведи их за грань, некромант. Обещаю, что путь их будет лёгок.

— Было бы справедливо...

Хозяйка улыбнулась.

— Справедливо? Давно не слышала этого слова. И что бы ты сделал?

— Вернул их к жизни. С вашего разрешения, разумеется. В качестве награды за годы мучений.

Несколько мгновений она смотрела на меня, будто изучая. Или раздумывая над приговором.

— Я не судья, Костя. Справедливость — не в моей власти. Я никого не сужу, только забираю. Впрочем, в твоих словах есть доля истины: срок их жизни должен был быть иным. Так что я говорю тебе: можешь попробовать. У тебя есть моё разрешение. Но время им ты отмеришь из своего чёрного песка.

Я поклонился. А затем сделал шаг назад, возвращаясь из-за грани в реальный мир.

Короткая южная ночь всё ещё не закончилась, будто ожидая развязки этой истории. Луна уже закатилась, и к домику я шёл по свету из маленького окошка. Деревья теперь стояли печальными вдовами, едва слышно шепча листвою. А поле под тёмным небом стало напоминать бездонный океан, застывший в ожидании грозы. И только звёзды, молчаливые провидцы, многозначительно перемигивались между собой.

Орсо Роспильози встретил меня в дверях. На несколько мгновений он застыл в проёме, напряжённый и хмурый, словно собирался встать стеной и не пускать меня внутрь. Но затем сник и шагнул в сторону, освобождая проход.

— Им не будет больно? — шёпотом спросил он.

— Отойди к тому дереву, Орсо. И даже не смотри в эту сторону.

Шаркающей походкой он побрёл прочь, совершенно не напоминая в эту минуту прежнего Медведя. А я вошёл в домик и закрыл за собой дверь.

Женщина стояла в оцепенении посреди комнаты безвольно опустив руки. Девочка стояла рядом, держась за юбку матери. Она смотрела на меня чистыми голубыми глазами и улыбалась без тени страха.

Я присел на корточки и поманил её.

— Иди сюда, маленькая.

Она отпустила мать и подбежала ко мне.

— Я тебя знаю, — она хихикнула. — Ты мне снился.

— Тогда ты знаешь, зачем я здесь?

— Ага, — девочка улыбнулась ещё шире, — он сказал, что ты всё исправишь.

— Кто сказал, милая?

— Белый дяденька с шестью крыльями. У него очень смешное имя, только я его обещала не говорить.

Я протянул руку и погладил девочку по голове.

— Правильно, если обещала, то нужно держать слово. А теперь закрой глазки и считай до десяти. Ты же умеешь?

— Умею! Меня мама научила!

— Тогда зажмурься и начинай считать.

— Uno!

Анубис, возбуждённый и дрожащий от нетерпения, только этого и ждал. В мои ладони полилась сила тяжёлым мощным потоком.

— Due!

Я вскрыл оковы, которыми Джурьефф сковал души.

— Tre!

Тараном выбил магические конструкторы, превращавшие живые тела в бессмертные куклы.

— Quattro!

Сжёг некротическую вязь, написанную особыми чернилами на языках у девочки и матери.

— Cinque!

Вынул из их сердец эфирные “гвозди” стазиса.

— Sei!

Взял девочку за руку и улыбнулся.

— Sette!

Отсыпал чёрный песок, без сожаления и сомнений. И обрушил на них чистую силу, все накопленные резервы разом, с одним-единственным приказом. Живите! Живите, так вашу налево!

Я вышел из домика, опустошённый и обессиленный.

— Орсо!

Он шагнул мне навстречу, чёрный и мрачный, как плакальщицы с виллы кардинала.

— Зайди в дом, — бросил я и двинулся через сад.

Не оборачиваясь, вышел за ограду и побрёл мимо поля обратной дорогой. Далеко-далеко, у самого горизонта, занимался рассвет. Трещало птичье чириканье и где-то звенела вода. А у меня не было сил даже улыбнуться: возвращать душу от кромки — самая тяжёлая работа, какая только может быть. Жаль только, что этого никто, кроме Хозяйки, не сумеет оценить.

Глава 9 - Брат

На постоялом дворе я застал с десяток моряков и Киж, который обыгрывал их в карты по очереди. Моё появление мертвец сразу же почувствовал и обернулся. На его вопросительный взгляд я покачал головой и сделал знак, что всё в порядке. Прошёл через зал и сел за незанятый стол, где мы сидели до этого с Роспильози. Честно говоря, сил у меня вообще не осталось, даже протянуть руку и налить себе вина из кувшина я не мог.

На счастье, прибежала хохотушка-служанка. Девушка будто специально меня караулила и намеревалась завести более тесное знакомство. Но когда увидела меня поближе, то озабоченно затараторила:

— Синьор Урусофф, вы такой бледный! С вами всё хорошо? Ой-ой, да на вас лица нет, словно вы мертвеца увидели! Может быть, позвать доктора? У нас по соседству живёт доктор Дуремарзи, только он очень дорого берёт и любит приезжать к обеду или ужину, чтобы его тоже за стол посадили. Но если он узнает, что требуется гостю синьора Медведя, то обязательно примчится! Когда Рябого Унзо ранили в перестрелке...

— Т-ш-ш-ш...

Я приложил палец к губам, заставляя её замолчать. Поймал её за руку и притянул поближе. Сил говорить в полный голос не было, и пришлось просить заговорщицким шёпотом:

— Не надо доктора. Принеси мне кофия, две больших чашки. И что-нибудь поесть.

— Ой! — она тоже зашептала в ответ. — А Бернардино уже ушёл спать. Но я тоже могу что-нибудь приготовить. Хотите, я испеку вам булочки?

— Яйца можешь пожарить?

— Обижаете! Я делаю самую лучшую яичницу в Неаполе. С помидорами, оливками и чесноком. Будете? Сколько яиц разбить?

— Пять.

— Вы такой голодный, сеньор Урусофф! — она игриво подмигнула. — А вы правда князь?

— Сначала кофий и яичницу, потом вопросы. Быстрее, красавица, а то я умру прямо за этим столом.

Она радостно пискнула и убежала на кухню. Через пять минут притащила мне чашку кофия и тарелку с хлебцами. Стрельнула глазами и снова умчалась.

Я медленно цедил горький напиток, чувствуя, как по капле возвращаются силы. Нет, ну его в болото подобные опыты с магией! Такое чувство, будто меня пропустили через мясорубку, а затем из фарша вылепили заново. Резервы эфира показывали дно, мышцы болели, словно я всю ночь разгружал баржу с камнями, а в голове плескался густой клюквенный кисель. Как-то не так я представлял себе отпуск!

Киж обыграл очередного бедолагу, и за его столом поднялся шум. Видимо, денег у моряков было не слишком много, и мертвец брал выигрыш “развлечениями”. В этот раз он потребовал, чтобы проигравший десять раз мяукнул под столом. Одноглазый моряк под смех товарищей, кряхтя, залез под стол и принялся там вопить не хуже мартовского кота. Киж прослушал первые звуки «оперы», удовлетворённо кивнул и подошёл ко мне.

— Всё в порядке, Константин Платонович? Что-то на вас лица нет.

— Переутомился, — усмехнулся я. — Сейчас поем и буду в полном порядке.

— А Медведь? Вы его того, что ли? — Киж выразительно посмотрел на меня.

— В порядке всё с твоим Медведем, лучше, чем нам всем, вместе взятым. Не думаю, что мы его сегодня снова увидим. Так что ещё часик поразвлекайся, пока я завтракаю, и найди нам транспорт. Я не в настроении идти в Неаполь пешком.

— Сделаю, Константин Платонович. Вы не торопитесь, попросите горячего красного вина со специями — вам сейчас самое то будет, — он ухмыльнулся, копируя моё выражение, — от переутомления.

— Дмитрий Иванович, не умничай — сам знаю, что делать. Иди уже, тебя морячки ждут для реванша. Только я тебя очень прошу, не заставляй их снова орать, не хочу шума.

— Как прикажете, — Киж кивнул, — придумаю что-то другое. На шелбаны играть будем.

Едва Киж вернулся к картам, как прибежала служанка и водрузила передо мной сковородку с яичницей, тарелку с хлебом и сыром и вторую чашку кофий. Последней на стол она выложила трёхзубую вилку с таким видом, будто та была золотая.

— Вот! — с гордостью заявила она. — Наш Орсо дворянин, так он всегда ест только вилкой. А вы князь, значит, тоже так делаете.

Я не смог сдержать улыбку.

— Спасибо, милая.

— Вы кушайте, синьор Урусофф, кушайте, пока не остыло, — зашебетала она, придвигая ко мне сковородку. — Я очень вкусно всё пожарила, как меня мама учила. А она всегда говорила — мужчина должен хорошо кушать, чтобы быть сильным. Хлеб обязательно берите, Бернардино его так печёт таким, что даже соседи приходят и берут. Честно-честно!

Подцепив кусок яичницы вилкой, я отправил его в рот. Прожевал и кивнул девушке.

— Очень вкусно. Действительно, лучшая яичница в Неаполе.

Она аж вся расцвела, показав ямочки на щеках.

— Спасибо, синьор Урусофф! Я теперь всем буду рассказывать, что кормила настоящего князя. Мои подружки обзавидуются!

— У вас красное вино есть?

— Конечно! У нас какое хочешь есть.

— Подогрей, пожалуйста, пару стаканов, чтобы было горячее. И добавь туда ложку мёда и, если есть, специи.

— А! Так, чтобы согреться? Сейчас сделаю! Я мигом!

Она унеслась на кухню, и я смог спокойно поесть в тишине. Даже редкие охи, когда Киж отвешивал шелбаны картёжникам, мне не мешали.

Я успел всё доесть и выпить кофий, когда появилась служанка с кружкой в руках. Но донести её не успела.

Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился Медведь. Всклопоченный, расхристаный и с пустыми ножнами от шпаги. Бешеным взглядом оглядел зал и остановился на мне. В горле у Роспильози заклокотало, и он кинулся вперёд. Пронёсся мимо служанки, чуть не опрокинув её, и в одно мгновение оказался возле меня.

Медведь своими мощными руками выдернул меня со стула, поднял и обнял.

— Константино!

Он сжал меня так, будто собирался задушить.

— Константино! Разреши назвать тебя старшим братом! Моя кровь принадлежит тебе, и этот долг я никогда не смогу выплатить!

— Поставь меня, — едва просипел я, — Медведь!

Успокоить Роспильози удалось далеко не сразу. Он со всей силой своего неумеренного темперамента рвался благодарить, собираясь чуть ли не подарить мне родовое поместье. Я пригрозил, что Киж будет обливать его водой, пока не остынет. И только тогда он прекратил заваливать меня благодарностями.

— Ничего я от тебя не приму, Орсо Медведь. Сядь, выпей и приди в себя. Только твоего поместья и драгоценностей твоей бабушки мне для полного счастья и не хватало. Успокойся!

Роспильози сел, не глядя выпил из моей кружки и вздохнул.

— Ты не представляешь, что для меня сделал.

Я посмотрел ему в глаза и вкрадчиво сказал:

— Уж поверь, я знаю. И ты знаешь. Этого достаточно, чтобы мы были просто друзьями.

— Братьями, — сказал он твёрдо, будто уже всё решил и не собирается передумывать.

— Тем более. Какие могут быть долги между братьями?

Я протянул ему открытую ладонь. Он на мгновение прищурился, ухмыльнулся и пожал мою руку.

— Да, брат, никаких долгов. Но я знаю, чем могу отплатить тебе. Я сам отвезу тебя в Африку, помогу добраться в Каир и верну обратно. Такую помощь ты примешь, брат?

— Если не возражаешь, я отвечу тебе завтра. Сейчас мне нужно поспать и отдохнуть. Эта ночь прошла слишком уж бурно.

Роспильози воспринял мои слова буквально. Через пять минут возле постоялого двора уже стоял экипаж, готовый отвезти меня в Неаполь. А сам он пытался поддержать меня за локоть, как престарелого родственника.

— Медведь, иди к чёрту, — я отмахнулся от него. — У меня хватит сил ещё и тебя выпороть за издевательство, — и добавил язвительным тоном, — младший братишка.

Он вздохнул и развёл руками — мол, хотел как лучше.

— Завтра утром я буду готов с тобой поговорить о деле, если ты серьёзно собрался везти меня в Египет.

— Не сомневайся. Доставлю с гарантией, со всеми удобствами, как родную бабушку. Завтра приеду и обсудим.

На этом мы простились. Я заснул, едва мы тронулись, и, честно говоря, не помню, как оказался в постели. То ли сам дошёл, то ли это Киж отнёс меня. В любом случае, спал я как младенец и сны были исключительно приятными.

Когда утром следующего дня я с Таней спустился в трактир на первом этаже гостиницы, там уже сидел Роспильози. Одетый в костюм по последней моде, расчёсанный и, кажется, даже припудренный. Образцовый дворянин, в котором ни за что не узнаешь вчерашнего бандита и драчуна.

— Таня, разреши представить тебе Орсо Роспильози, дворянина из знатной семьи.

Медведь поклонился со всей почтительностью.

— Татьяна Ларина, моя невеста.

— Рад познакомиться, синьорина, — пробасил Роспильози, — счастлив видеть, какую прекрасную супругу выбрал мой брат.

На этих словах Таня удивлённо посмотрела на меня. Я только пожал плечами — сам не знаю, как так получилось.

— Значит, вы мой будущий деверь? Не ожидала, что найду в Неаполе родственника.

— И не одного, синьорина. Вся семья Роспильози будет рада видеть у себя в гостях такую замечательную невестку. Надеюсь, вы сообщите нам о дате свадьбы, чтобы мы могли отметить это важное событие.

Пока мы завтракали, Орсо вёл исключительно светскую беседу, рассказывал забавные байки из жизни местного высшего общества. Судя по некоторым оговоркам, он с половиной персонажей был знаком, а с другой половиной притворялся. И мне кажется, контрабандой Медведь промышлял с негласного одобрения властей.

— Орсо, ты к нам по делу или пришёл просто поболтать?

Я отложил салфетку и взял чашечку с кофе.

— И то и другое, — он отставил бокал и стал серьёзен, как скала. — Ты всё ещё собираешься в Египет?

— Да, ничего не изменилось.

— Тогда у меня есть отличный вариант, чтобы ты не связывался с мамлюками и османами. Сегодня вечером ты садишься на мой корабль, и мы плывём в Бенгази.

Пришлось вспомнить карту Африки, прежде чем я ответил.

— Почему в Бенгази? Оттуда до Каира не меньше тысячи миль.

— Вот! А теперь переходим к главной части моего плана. Как раз в то время, как мы доплывём в Бенгази, там будет стоять караван племени Ифорас. Я попрошу, чтобы они доставили тебя в Каир, дождались, когда ты закончишь дела, и привезли обратно. Они оденут тебя как своего, и никто не заподозрит, что ты христианский колдун. А насчет расстояния не волнуйся, путь займёт меньше месяца. У них есть свои секреты, как быстро пересекать пустыню.

— Что за Ифорас? Арабы? И почему ты уверен, что они выполнят твою просьбу?

— Это туареги, Константино. Удивительный народ, ты увидишь. А что до моей просьбы, то я как-то спас от рабства их аменокаля и его семью. Они поклялись, что будут помогать мне в любых делах, а их клятвы имеют особую силу. Какая-то варварская магия, на удивление действующая. Я с ними вижусь периодически, когда приплываю торговать, и каждый раз они напоминают мне о клятве. Им вроде как обидно, что я ничего у них не прошу.

Я мысленно прикинул и кивнул.

— Мне нравится твой вариант. Согласен.

— А пока ты будешь путешествовать, я хочу предложить синьорине Татьяне быть гостьей в моём доме. Жена будет рада...

— Я еду с Константином, — твёрдо заявила Таня. — Это не обсуждается.

Распильози моргнул и тряхнул головой.

— Синьорина, должен вас предупредить, путешествие будет не слишком комфортным. Пустыня не предполагает удобств, там много диких зверей, а...

— Ах, дорогой деверь, — Таня покровительственно улыбнулась, — когда мы только познакомились с Константином Платоновичем, на нас напала стая волков. Кажется, я уложила всего на пару штук меньше, чем он.

— Из ружья?

— Большинство. А одного, кажется, ножом.

— Двоих, — я кивнул, — вожака и ещё одного.

Распильози посмотрел на наши серьёзные лица и громко расхохотался, отбросив приличия.

— Вы мне нравитесь всё больше, синьорина! Гарантирую, с таким характером вы легко станете своей у туарегов. Кстати, центурион Деметрио тоже едет с вами?

— Да, и ещё одна моя помощница и слуга. Нас будет пятеро.

— Решено! Тогда я жду вас вечером в порту, за час до заката. А теперь разрешите откланяться. Мне нужно распорядиться насчёт припасов для вашего путешествия.

Глава 10 - Базар

В вечерних сумерках четырёхмачтовая тартарона “Юная Амелия” вышла из порта Неаполя и понесла нас на юг.

— У меня самый быстроходный корабль на этом побережье, — безбоянно хвастался Роспильози. — “Амелия” долетает до Туниса меньше чем за двенадцать часов при попутном ветре. Я обгонял османские фрегаты, а это вам не купеческие полакры.

Он устроил нам целую экскурсию, показав в том числе оружейную палубу. Тартарона несла тридцать пушек на боевых деланных Знаках. На корабле был свой неплохой оружейник, который содержал их в идеальном порядке. Кроме того, в команде у Роспильози имелись два мага с Талантами — бастарды, как объяснил он, не прижившиеся в семьях отцов.

— Можем отбиться от любого военного судна, — с гордостью сообщил Медведь, выпятив грудь, — если оно попытается нас задержать.

— И от пиратов?

Он хитро улыбнулся.

— Смотря от каких, брат. Я ведь тоже в некотором роде пират. Формально я состою в трёх морских братствах — плачу ежегодную долю в общий котёл и свободно плаваю от Танжера до Бейрута. А всякая мелочь не рискует пробовать на зуб мою “Амелию”.

— Удобно ты устроился.

— Пришлось, — он развёл руками, — жизнь заставила. Впрочем, я не жалею: с детства обожаю море и воевать, а здесь эти две любви сошлись вместе.

И Медведь улыбнулся, как человек, нашедший своё место в мире.

— А теперь нас ждёт ужин от лучшего повара Неаполя. Специально заказал у него самые изысканные блюда — вам ещё не скоро придётся отведать что-то подобное.

Ужин и вправду оказался не хуже любого великосветского обеда, который мне довелось посетить. Роспильози на этот раз развлекал нас байками о своих морских приключениях: как обманывал османов, заводил дружбу с пиратами и возил контрабанду во Францию. Судя по лакунам в повествовании, он щадил чувства Тани и вымарывал из рассказа все кровавые подробности. Но угадать, что за моменты он опустил, было несложно, а моя фантазия дорисовала все недостающие детали.

— А теперь, синьоры и синьорины, я хочу показать вам самое потрясающее зрелище в мире. Прошу за мной!

Он отвёл нас на ют и указал на море за кормой.

— Закройте глаза, сосчитайте до десяти и посмотрите на звёзды и море. Поверьте, вы никогда не забудете это.

Луна ещё не взошла, и небо казалось чёрной бездной, на которой особенно ярко горели звёзды. Бесконечная дорога Млечного Пути тянулась от одного края горизонта до другого. А под ним была не менее тёмная бездна моря, на глади которой загадочным зеленоватым светом мерцали длинные полосы, будто мазки художника-великана. И можно было перепутать, где верх, а где низ, потому что две темноты, неба и моря, словно переливались одна в другую.

— Иногда мне кажется, — тихо-тихо произнёс Медведь, — будто я веду корабль через великую пустоту, прокладывая курс между звёздами. Мне чудится такое, что никому из людей и не снилось. Атакующие диковинные корабли, пылающие над красной звездой. Мерцающие лучи небесного света, разрезающие мрак у огромных сияющих ворот. Но эти видения исчезают, как слёзы под дождём, и мне остаётся только бороздить моря и смотреть на звёздное небо.

Я не стал его ни о чём спрашивать. Есть, знаете ли, такие темы, которые невозможно обсуждать вслух ни с одной живой душой. У меня ведь тоже найдётся кое-что, о чём я молчу и стараюсь даже не думать. Вот пусть и лежат эти скелеты в самом тёмном шкафу до своего срока.

— Мне говорили, ты мастак играть в карты, центурион Деметрио, — поинтересовался Медведь, едва мы вернулись в кают-компанию.

— Даже не уговаривай, — Киж выставил перед собой ладони, — я не играю с друзьями Константина Платоновича. Очень неудобно получится, если в конце плавания корабль вдруг станет моим.

Роспильози расхохотался.

— А ты самоуверен, центурион! Не беспокойся, я никогда не ставлю на кон свою “Амелию”. Будем играть только на наличное золото, никаких залогов и расписок.

— Согласен, — быстро выпалил Киж, — минимальная ставка три золотых дуката.

— Годится! — Роспильози также быстро ответил, будто боялся, что “жертва” сорвётся с крючка. — Эй, там! Принесите мне карты!

Эти двое уселись за стол, и через пять минут до них уже невозможно было достучаться. Так что мы с Таней пошли в свои каюты спать, а Диего отправилась на палубу любоваться морем. Всё оставшееся плавание Роспильози не вылезал из-за карточного стола, прерываясь только на короткие перекусы, сон и корабельные дела. Киж же выглядел как кот, обожравшийся сметаной и собирающийся слопать ещё столько же.

Мой камердинер Васька за один вечер успел сойтись накоротке с командой корабля, хоть и не понимал ни слова по-итальянски. А на следующий день с неподдельным интересом взялся учиться ставить паруса и прочей морской науке. Как он мне сказал:

— С вами, Константин Платонович, никогда не знаешь, куда занесёт на следующий день. Вдруг да пригодится в жизни?

Мурзилка всё плавание провёл в моей каюте, практически не просыпаясь. Море он не одобрял совершенно, и только необходимость заставила его подняться на борт корабля.

А вот мы с Таней воспользовались появившейся прорвой свободного времени и занялись тренировкой Талантов. Предупредили Медведя и, когда на горизонте не было других кораблей, запускали огненные всполохи над морем. Но не просто так, а на дальность. В таком упражнении важна не сила Таланта, а умение создавать аккуратные плетения. Чем плотнее будут нити, чем меньше паразитной силы, тем дольше проживёт заклятье, прежде чем сделает “пш-ш-ш-ш”.

В очередной раз, когда её всполох рассеялся раньше моего, Таня разозлилась. Выхватила small wand, одним движением выписала Знак Огня и запустила его над волнами. К её удивлению, деланная фигура не просто обогнала мой всполох, но и пролетела раза в три дальше.

— Костя! Чего это он?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.